

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XLVI международной научно-практической конференции*

№ 2 (43)
Февраль 2015 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2015

УДК 3
ББК 6/8
А 43

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доц. кафедры философии и социологии, рецензент НП "СибАК"

Редакционная коллегия:

Барштейн Виктор Юрьевич — д-р. философии по искусствоведению, рецензент НП "СибАК", Украина.

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доц. кафедры социологии и социальных технологий «Череповецкий государственный университет»;

Карпенко Татьяна Михайловна — канд. филос. наук, рецензент НП "СибАК".

Купченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова».

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доц. кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета им. Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доц. кафедры ЭиАСУ Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доц., ст. науч. сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований Национального исследовательского Томского государственного университета, доц. кафедры социологии, психологии и права Национального исследовательского Томского политехнического университета;

Шахметова Венера Рюзальевна — канд. ист. наук, доц. кафедры общей отечественной истории Пермского государственного национально-исследовательского университета (ПГНИУ), доц. кафедры философии и общественных наук Пермского государственного гуманитарного педагогического университета (ПГГПУ).

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история / Сб. ст. по материалам XLVI междунар. науч.-практ. конф. № 2 (43). Новосибирск: Изд. «СибАК», 2015. 100 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. Политика в России	6
ОТНОШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА К КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ	6
Короткова Мария Николаевна Шпитько Анастасия Павловна Коченков Андрей Васильевич	
1.2. Мировая политика	13
ГУМАНИТАРНАЯ ВОЙНА	13
Корсакова Тамара Антоновна Ильин Артем Анатольевич	
1.3. Методология политического анализа	18
КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ	18
Рыбаков Андрей Вячеславович Студников Павел Евгеньевич	
Секция 2. Социология	28
2.1. Методология и методика социологического исследования	28
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПОНЯТИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА	28
Белашапка Геннадий Иванович	
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ: ВЕГА И TEXTANALYST	34
Гегер Алексей Эдуардович Гегер Светлана Александровна	
2.2. Социология личности	41
СИМВОЛИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА	41
Окладникова Елена Алексеевна	

Секция 3. Философия	46
3.1. Социальная философия	46
ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗИИ) Сорочайкина Елена Владимировна	46
РОЛЬ СИМВОЛОВ В КОЛЛЕКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ Старовойтова Ольга Игоревна	50
3.2. История философии	60
БОЛЬШАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ И «ОСЬ ИСТОРИИ» В ДОМОСКОВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Бедаев Александр Иванович	60
3.3. Философские проблемы образования	67
ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В МЕДИЦИНЕ Ерохин Сергей Александрович	67
Секция 4. История	73
4.1. История России	73
ВСЕОБЩЕЕ РАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СССР Шаяхметова Венера Рюзальевна	73
4.2. Всемирная история	79
ПРЕБЫВАНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В П. БЕЛОУСОВКА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ Аверкина Светлана Аркадиевна	79
СЕТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОНДОВ «ТРАНСФОРМ» НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА Корецкий Артем Олегович	88

**4.3. Историография, источниковедение
и специальные исторические дисциплины** **94**

ПОРЯДОК РАЗБОРА И РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВЕЙ
НА ТЕРРИТОРИИ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.
Старенький Игорь Александрович 94

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ОТНОШЕНИЕ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА К КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

Короткова Мария Николаевна

*канд. пол. наук, доцент
Пермского государственного медицинского университета
им. ак. Е.А. Вагнера,
РФ, г. Пермь
E-mail: korotkova_mariya@mail.ru*

Шпитель Анастасия Павловна

*студент Пермского государственного медицинского
университета им. ак. Е.А. Вагнера,
РФ, г. Пермь
E-mail: nastunyas@mail.ru*

Коченков Андрей Васильевич

*студент Пермского государственного медицинского
университета им. ак. Е.А. Вагнера,
РФ, г. Пермь*

ATTITUDE OF MEDICAL STAFF TOWARDS PAID MEDICAL SERVICES

Korotkova Mariya

*candidate of political sciences, associate professor
Perm State Medical University of a name of academician E.A. Wagner,
Russia, Perm*

Shpityko Anastasiya

*student Perm State Medical University
of a name of academician E.A. Wagner,
Russia, Perm*

Kochenkov Andrey

*student Perm State Medical University
of a name of academician E.A. Wagner,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

Авторы статьи делятся результатами анкетирования, которое они проводили среди медицинского персонала на клинических базах: определяют отношение медицинского персонала к коммерциализации медицинских услуг, выявляют факторы коммерциализации, а также составляют рейтинг популярности платных услуг.

ABSTRACT

The authors share the results of the social research they conducted among medical staff on clinical bases: determine the attitude of medical personnel towards paid medical services, identify factors commercialization, and account for the popularity of paid services.

Ключевые слова: Социальная политика государства; здравоохранение; коммерциализация медицинских услуг.

Keywords: Social policy; health; paid medical services.

Вопрос о коммерциализации медицинских услуг вызывает в российском обществе ожесточенные споры. Мнения о соотношении платной и бесплатной медицины часто носят диаметрально противоположный характер [1; 2]. В ноябре 2014 года в отделениях кардиологии и экстренной хирургии ГАУЗ ПК «Городская клиническая больница № 4», экстренной гинекологии ГБУЗ ПК «Медсанчасть № 9 им. М.А. Тверье», гинекологии ГБУЗ ПК

«Городская клиническая больница № 2 имени Федора Христофоровича Граля», анестезиологии ГБУЗ ПК «Пермская краевая клиническая больница», ГБУЗ ПК «Детская городская поликлиника № 10», ГБУЗ СО «Городская станция скорой медицинской помощи», ГБУЗ СО «Подстанция скорой помощи» и в стоматологической клинике ООО РСП «Алексий» в рамках работы научного кружка кафедры «Истории Отчества, истории медицины, социологии и политологии» Пермского государственного медицинского университета авторами статьи было проведено анкетирование, в котором приняли участие 79 респондентов. Его цель заключалась в выявлении отношения медицинского персонала к коммерциализации медицинских услуг.

На открытый вопрос, что такое платная медицина, были получены следующие ответы. Исключительно позитивные моменты отметили 13 человек: ими были упомянуты качество, скорость и своевременность оказываемых услуг, а также «индивидуальный подход». Возможность «заработать» — 5 респондентов. С иронией «о светлом будущем» заявили 2 человека. Платную медицину, как процедуры, заложенные сверх необходимых в ОМС, — 3 человека.

Немало нашлось и таких респондентов (10 человек), у которых данное явление вызвало исключительно негативную реакцию. Ответ часто сопровождался описанием разрушительных последствий для общества: малодоступностью медицинских услуг, ростом случаев самолечения и снижением уровня жизни населения в целом.

На закрытый вопрос, каким образом респонденты относятся к идее коммерциализации медицинских услуг в целом, 38 % участников анкетирования ответили положительно, 28 % — нейтрально, 27 % — отрицательно, 8 % — затруднились ответить.

С точки зрения медицинского персонала, главными причинами коммерциализации медицинских услуг являются требования «повышения заработной платы врачей и младшего медицинского персонала» (49 %), «повышения качества оказываемых медицинских услуг» (46 %), «улучшения условий лечения пациентов» (44 %), «решения проблемы нехватки медицинских изделий и лекарств» (27 %) (больше всего эта проблема беспокоит хирургов и кардиологов — 45 %).

Негативные моменты коммерциализации медицинских услуг респонденты в основном связывают со «снижением уровня доступности медицинских услуг для малообеспеченных слоев населения» (78 %). Гораздо в меньшей степени медицинский персонал обеспокоен «нацеленностью на максимальное «вытягивание» денег с пациентов» (48 %), «ростом количества случаев самолечения» (34 %)

и «формированием потребительского отношения к профессии врача, его роли в жизни общества» (34 %).

На вопрос об идеальном соотношении коммерческой и некоммерческой медицины был получен следующий среднестатистический ответ — 40 % и 60 % соответственно.

Чуть более трети респондентов (37 %) слышали о том, что правительство Российской Федерации планирует создать программу госгарантий, где будут четко разграничены платные и бесплатные медицинские услуги, а также прописан перечень бесплатных медицинских изделий и лекарств, необходимых для лечения пациентов. Более половины проанкетированных (51 %) поддерживают эту программу, около четверти (25 %) относятся нейтрально. В целом можно говорить о положительно-нейтральной реакции медицинского персонала на подобную инициативу правительства.

С точки зрения респондентов, исключительно платными должны быть медицинские услуги по следующим направлениям: эстетическая медицина (92 %); стоматология (81 %); диагностика (72 %); скорая медицинская помощь (62 %); акушерство и гинекология (61 %); неврология (48 %); терапия (38 %); офтальмология (33 %); восстановительная медицина (27 %); педиатрия (22 %) и хирургия с травматологией (22 %).

В диагностике с большим отрывом лидируют генные исследования (88 %), затем идут молекулярные (56 %), иммунологические (49 %), гормональные (47 %), аллергологические, изосерологические (42 %) и гемостазиологические (35 %). Остальные (гематологические, бактериологические, биохимические и общехимические) анализы набирают менее 30 %.

В стоматологии, что неудивительно, на первый план выдвигается эстетическая реставрация зубов (89 %). Немного отстают хирургия и ортопедия (83 %), далее идут протезирование (67 %), терапия (61 %) и диагностика (20 %).

В терапии резко выделяется венерология (87 %). Потом следуют вакцинопрофилактика и нефрология (53 %), эндокринология (50 %), пульмонология (59 %), иммунология (47 %), аллергология (43 %), гастроэнтерология (37 %) и стационар (33 %).

В неврологии на первом месте находится рефлексотерапия (76 %). После нее идут мануальная терапия (63 %), нейрохирургия (47 %), психотерапия (45 %).

В разделе скорой медицинской помощи безусловным фаворитом является работа с нарко- и алкоголезависимыми больными. Менее

половины набирают дежурства на массовых мероприятиях (47 %), транспортировка плановых больных (39 %), вызов СМП (22 %) и стабилизация пациента (18 %).

Первое место в хирургии и травматологии занимает хирургическая эндоскопия (82 %), далее следуют колопроктология (71 %), маммология, травматология (65 %), урология (59 %) и общая хирургия (57 %).

В офтальмологии лидирует «коррекция зрения» (92 %). Потом следует лечение глаукомы (77 %) и катаракты (73 %). Замыкает рейтинг диагностика (42 %).

Большая часть респондентов, выбравших раздел акушерства и гинекологии, считают, что исключительно платными должны быть аборты (85 %), стерилизация (58 %), контрацепция (48 %), лечение бесплодия (42 %), лечение новообразований, эрозии и пр. (33 %), акушерство (31 %), неонатология (31%), хирургическое вмешательство (27 %), диагностика (17 %).

На коммерциализацию медицинской услуги, с точки зрения респондентов, влияют, прежде всего, ее срочность (47 %) и материальное благосостояние пациента (47 %). Не меньшей важностью обладают себестоимость (42 %) и сложность (41 %) оказываемой услуги. Возраст пациента (18 %), обязательность (14 %) и необязательность (13 %) оперативного вмешательства, уникальность услуги (9 %) практически не играют существенной роли.

В результате анализа анкетирования было выявлено, что существенной взаимосвязи между квалификационной категорией медицинского работника и его склонностью к коммерциализации медицинских услуг нет.

Однако есть слабая, но все же корреляция с должностью медицинского работника: большую склонность к коммерциализации демонстрируют врачи, то есть высший медицинский персонал (см. данные таблицы 1).

Таблица 1.**Медицинские работники**

Наименование	Общий показатель (%)	Высший медицинский персонал	Средний и младший медицинский персонал
Диагностика	72	80	66
Стоматология	81	89	75
Эстетическая медицина	92	97	89
Терапия	38	40	36
Неврология	48	54	43
Педиатрия	22	23	20
Восстановительная медицина	27	37	18
СМП	62	63	61
Хирургия, травматология	22	20	23
Офтальмология	33	46	23
Акушерство, гинекология	61	63	59

Также есть существенная взаимосвязь со стажем работы: чем он больше, тем выше заинтересованность медицинского персонала в коммерциализации. Как нам кажется, подобную ситуацию можно объяснить тем, что люди, проработавшие много лет, с годами чувствуют профессиональную усталость, они более обеспокоены материальными вопросами, в то время как молодежь еще полна энергии, энтузиазма и бескорыстного стремления помочь.

Таблица 2.**Медицинские работники**

Наименование	Общий показатель (%)	Стаж работы	
		1—5 лет	Более 5 лет
Диагностика	72	76	70
Стоматология	81	76	84
Эстетическая медицина	92	93	92
Терапия	38	17	50
Неврология	48	38	54
Педиатрия	22	3	32
Восстановительная медицина	27	21	30
СМП	62	41	74
Хирургия, травматология	22	3	32
Офтальмология	33	21	40
Акушерство, гинекология	61	55	64

Подводя итоги, можно отметить следующие моменты. Во-первых, медицинский персонал не выступает за полномасштабную коммерциализацию медицинских услуг. Во-вторых, он полагает (и мы с ним согласимся), что исключительно платными должны быть, прежде всего, те услуги, которые не являются жизненно важными для пациента.

Список литературы:

1. Невинная И. Здоровье не купишь// Российская газета [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2013/08/08/zdorovie.html> (дата обращения: 09.02.2015).
2. Невинная И. На здоровье // Российская газета [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rg.ru/2011/04/27/zdorovje.html> (дата обращения: 09.02.2015).

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ГУМАНИТАРНАЯ ВОЙНА

Корсакова Тамара Антоновна

*канд. филос. наук, доцент Технический институт (филиал)
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный Федеральный Университет
им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри,
РФ, г. Нерюнгри*

Ильин Артем Анатольевич

*студент 3 курса, кафедры ЭиСГД Технический институт (филиал)
ФГАОУ ВПО «Северо-Восточный Федеральный Университет
им. М.К. Аммосова» в г. Нерюнгри,
РФ, г. Нерюнгри
E-mail: artem-ilin-1994@bk.ru*

HUMANITARIAN WARS

Korsakov Tamara

*Ph.D., Associate Professor Technical Institute (branch)
FGAOU VPO "North-Eastern Federal University
named after MK Ammosova" in Neryungri,
Russia, Neryungri*

Artem Ilyin

*3-year student, the department EiSGD Technical Institute (branch)
FGAOU VPO "North-Eastern Federal University
named after MK. Ammosova" in Neryungri,
Russia, Neryungri*

АННОТАЦИЯ

В данной научной статье рассматривается новый термин возникший в общественных науках. Воздействие концепции «гуманитарной войны» на систему международных отношений может быть поистине разрушительным. Именно поэтому принимается во внимание о необходимости изменения принципов международного права.

Проблема миротворчества, а именно «гуманитарной войны» заслуживает особенного внимания и тщательного изучения, потому что, подобные действия в настоящее время переживают активный рост.

ABSTRACT

In this research paper a new term emerged in the social sciences. The impact of the concept of "humanitarian war" on the system of international relations can be truly devastating. It is therefore taken into account the need to change the principles of international law.

The problem of peacekeeping, namely a "humanitarian war" deserves special attention and careful study, because such actions are currently experiencing strong growth.

Ключевые слова: Гуманитарная война; НАТО; Переход от однополярного к многополярному миру; Политика транснациональных корпораций; ООН и ОБСЕ; Антагонистический конфликт; Конструктивное разрешение конфликта.

Keywords: Humanitarian war; NATO; The transition from a unipolar to a multipolar world; Policies of multinational corporations; UN and OSCE; Antagonistic conflict; Constructive conflict resolution.

«Главное — захватить чужой город, а там уж историки обоснуют, почему это исконно наши земли».
Отто фон Бисмарк

В последние десятилетие XX века возникает совершенно новый вид вмешательства во внутренние дела суверенных государств, а именно, бомбовые удары по территории того или иного государства с безопасного расстояния для агрессора, и в общественных науках появился новый термин «гуманитарная война». Этот термин парадоксальный потому, что война означает гибель людей, а убийство людей не имеет ничего общего с помощью человеческому роду. Яркими примерами «гуманитарной войны» являются агрессия НАТО против Югославии в 1999 году, Афганистана с 2001—2011 года, Ирака в 2003 году, Ливии в 2011 году и Сирии с 2012 года до наших дней. После проведения таких военных операций эти страны погрузились в перманентное состояние конфликтов низкой интенсивности.

Конфликт низкой интенсивности в геополитике можно определить как военное столкновение ниже порога стратегической войны, без подключения основных военных сил противостоящих сторон. Такие конфликты не имеют четкой локализации в простран-

нстве и во времени, ведутся на территории обеих сторон с применением террористических актов и локальных военных операций.

«Гуманитарная война» без санкций Совета Безопасности ООН на стыке XX и XXI веков становится существенным элементом возникающего после холодной войны нового миропорядка, который носит черты вседозволенности для сильных государств мира и, прежде всего — США (военный бюджет которых в 2014 году составил 624 млрд. долларов, что многократно превосходит нужды самообороны этой страны) допускает нарушение государственного суверенитета и территориальной целостности государств, иными словами, допускает нарушение основополагающих норм международного права, принципов мирного сосуществования стран, на основе которых после 1945 года основывалась мирная жизнь человечества.

«Гуманитарная война», как бы она ни приукрашивалась ее приверженцами под видом «современной философии интернационализма» — это преступная война, влекущая многочисленные жертвы мирного населения. Грани между такой войной и международным терроризмом очень близки и подвижны.

В связи с этим возникают вопросы, — допустимо ли такое нарушение установившегося стабильного положения в мире? И каким силам это выгодно? Отвечая на эти вопросы, следует сказать: крайне недопустимо и выгодно только зарвавшимся от обладающей мощи военно-политическим блокам и недальновидным международным авантюристам, таким как НАТО во главе с США.

Известный американский дипломат Генри Киссинджер в своих трудах «Нужна ли в Америке внешняя политика?», открыто заявляет, что после холодной войны США стала единственной в мире сверхдержавой, что рано или поздно породит желание остальных государств объединиться против них самих же и единовластной гегемонии придет конец.

В настоящее время происходит переход от относительно устойчивого однополярного мира к многополярному новому мироустройству, когда в мире осталась одна сверхдержава, возникает множество центров силы, которые стремятся навязать ему свои цели.

В одном из интервью о последствиях такого развития событий, известный американский политолог и социолог Збигнев Бжезинский ответил: «В основном это значит, что мы больше не можем диктовать нашу волю. Мы больше не можем быть устрашающим глобальным игроком, который регулирует международные дела в мире». Тем самым дал понять, что помимо США появились еще другие более серьезные и глобальные игроки такие как Россия, Китай и Индия.

Переход от однополярного к многополярному мироустройству сопровождается резким обострением региональных конфликтов, которые носят, как правило, внутрисоюзный характер и связаны в основном с сепаратизмом, вооруженной борьбой за отделение от государства, за изменение его границ и территориальной целостности. Эти конфликты принимают усиливающийся ожесточенный характер, направленный в основном против мирных жителей. И проведение «гуманитарной войны» на стороне одной из враждующих сил означает подливание масла в огонь.

Особая роль в «гуманитарных войнах» принадлежит США — одному из мировому политическому лидеру. Их капиталистическая система, которую олицетворяют правительство этой страны не является политикой американского народа. Это политика транснациональных корпораций. Особенно тех, которые занимаются производством оружия и участвуют в гонке вооружений. Для американского правительства эти вторжения всего лишь бизнес. Но он губит человеческие жизни, а не спасает их. Вот что самое страшное. США ищут любой способ, чтобы придираться к антиимпериалистическим странам, политически подчинить их к себе, а затем обокрасть их. Поэтому, эти силовые операции: попытки вторжения в Сирию и в другие арабские страны, где существует проблемы с самоопределением, культурные и религиозные конфликты, это всего лишь предлог.

Но дело в том, что мудрость мирового политического лидера должна заключаться в понимании проблем отсталых стран, в поисках приемлемых для них путей решения их внутренних проблем, а не в грубом силовом вмешательстве в общественную жизнь стран, не в принуждении их выполнять чужую волю. Если поступать наоборот, то ликвидировать причины конфликтов абсолютно невозможно, и таким образом их можно только загонять вглубь. Если и дальше «гуманитарные войны» будут иметь место в мире, это приведет к нестабильности и породит усиление террористических методов противодействия, которую мы наблюдаем в настоящее время. В решении вопроса о будущем «гуманитарных войн» арбитром может быть только всемирная правительственная организация, которой сегодня является ООН и организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, т. е. ОБСЕ.

Бросается в глаза еще одна особенность современных региональных конфликтов — это услужливая поддержка одной из борющихся сторон заинтересованными внешними силами, — определенными политическими и экономическими силами, международно-криминальными кругами, национальной диаспорой и т. д.

И что еще важно отметить — международное сообщество в лице ООН подменяется небольшой группой наиболее сильных государств НАТО во главе с США, которые дают субъективную и потому ограниченную оценку возникающим в мире ситуациям. Как показала практика «гуманитарных войн», они не решают проблем, а наоборот усугубляют страдание людей.

К великому сожалению, нынешние международные организации, среди которых ООН и ОБСЕ, оказываются не способны решить проблему предотвращения терроризма и эскалации конфликтов.

И если «гуманитарную войну» считать новой формой миротворчества, то следует признать, что это не эффективная форма. Если в каждом случае антагонистического конфликта вести «гуманитарную войну», то мировое сообщество на планете превратятся в кровавое месиво.

Вместе с тем ясно, что мировое сообщество не может быть безразличным к кровавым конфликтам и гуманитарным кризисам внутри отдельных государств. И есть проверенные методы решения таких проблем. Это перевод вооруженного конфликта на политическое поле договорного процесса с использованием политических, дипломатических и иных мирных средств для установления баланса интересов при помощи координации усилий многих стран.

Эти процедуры более многообразны и более сложны для реализации на практике, поскольку требует многих усилий от участников, а также конструктивного разрешения конфликта.

Таким образом, можно сделать вывод: «гуманитарная война» — это относительно новое общественное явление в миротворчестве; противоречивое явление, влекущее за собой гибель людей. Основное содержания понятия «гуманитарная война» требует дальнейшего теоретического анализа. И если такая форма вмешательства внешних сил в дела суверенных стран будет общепризнана в ООН, тогда должны быть изменены и основополагающие принципы международного права, принципы мирного сосуществования государств. Беззакония в жизни мирового сообщества в XXI веке быть не должно.

Список литературы:

1. Василенко И.А. Геополитика современного мира: учеб. пособие. М / Гардарики, 2006. — 317 с.
2. Горелов А.А. Политология: учебник / 2-е изд., испр. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2006. — 312 с.
3. Гусейнов В.А. Вестник Аналитики № 3: журнал М.: 2001. — 635 с.

1.3. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

КАТЕГОРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рыбаков Андрей Вячеславович

*д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой политологии
Московского авиационного института
(Национального технического университета),
РФ, г. Москва
E-mail: rybackov@rambler.ru*

Студников Павел Евгеньевич

*канд. полит. наук, доцент кафедры политологии
Московского авиационного института
(Национального технического университета),
РФ, г. Москва*

CATEGORY OF «POLITICAL INSTITUTIONS» IN MODERN POLITICAL SCIENCE

Andrei Rybakov

*doctor of Political Sciences, Professor,
Head of the department of political science
at the Moscow Aviation Institute (National Technical University),
Russia, Moscow*

Paul Studnikov

*cand. political Science, associate professor, assistant professor of political
science at the Moscow Aviation Institute (National Technical University),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано понятие «политический институт» с точки зрения институционального, синергетического и системного подходов. Рассмотрены механизмы институциональных изменений. Определено, что трансформация политических институтов возможна

при условии качественной реструктуризации внутренней мотивационной среды политических институтов, их переориентации не «сверху», от политической власти, а «снизу», в результате самоорганизующих внутримотивационных процессов и механизмов.

ABSTRACT

The article analyzes the concept of "political institution" in terms of institutional, synergy and system approaches. The mechanisms of institutional change. Determined that the transformation of political institutions is possible provided qualitative restructuring internal motivational environment of political institutions and their reorientation than "top" of political power, and "bottom" as a result of self-organizing vnutrimotivatsionnyh processes and mechanisms.

Ключевые слова: политический институт; неинституционализм; синергетический подход; системный анализ

Keywords: political institute; new institutionalism; the synergetic approach; the system analysis.

С теоретико-методологической точки зрения тематика исследуемого феномена актуальна по ряду причин. Во-первых, в отечественной политической науке недостаточно специализированных институциональных исследований, несмотря на то, что институционализм является одним из главных направлений политологии. Методология институционального анализа в недостаточной степени используется в отечественной политологической мысли, в частности, в научной и учебной литературе подчас не различаются традиционный (классический) и новый институционализм (неинституционализм). Во-вторых, категории «институт», «политический институт», «институты политики» обычно либо ассоциируются исключительно с формальными организациями, учреждениями (формально-организационный подход, который нивелирует потенциальный ресурс данного феномена), либо сравниваются с соответствующей нормативно-юридической константой, то есть системой норм и правил поведения (формально-юридический подход). В-третьих, остается открытым вопрос о соотношении свободы поведения и возможностей выбора в рамках институтов. В силу указанных обстоятельств возникает насущная необходимость научной диагностики феномена «политический институт», так и разработки алгоритмов преодоления амбивалентности российского политического процесса, выраженной в сочетании, по крайней мере, двух основных состояний: демократического и авторитарного. Данная задача обуславливает необходимость изучения

эволюции политических институтов, поиска их универсальных и специфических особенностей в пространственных и временных (транзитивных) пределах. В этом контексте важным является исследование динамики трансформационных изменений основных институтов политической власти в условиях общественного транзита современной России. Традициям институциональных исследований уже более двух столетий. Они связаны с трудами таких классиков, как Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Дж. Локк, Ш. Монтескье, М. Вебер, Д. Веблен, Ю. Хабермас и др. За это время институционализм стал одним из самых актуальных направлений политической науки, которое условно принято делить на классический институционализм (традиционный) и «новый» институционализм (неоинституционализм). Понятие «институт» вводится в научный оборот в период становления социологической, политологической мысли в конце XIX — нач. XX вв. Одним из первых к этой категории обратился английский социолог Г. Спенсер, который определял «институт» как регулятивную самовоспроизводимую форму взаимодействия индивидов, что делает их жизнедеятельность рациональной и продуктивной. В своем главном труде «Основы социологии» одно из исходных положений он сформулировал в терминах механики: вещество, движение и сила. Именно из закона постоянства вещества и силы выводится закон эволюции (в том числе социальной) — от однородности к разнородности, от неопределенности к определенности. Главными структурными элементами такой эволюции, общества в целом, являются социальные институты. Употребляя термин «институт» вместе с таким понятием, как «организация», он рассматривал его как механизм самоорганизации совместной жизни людей. То есть, само общество является системой взаимодействующих социальных институтов, функционирование которых зависит от многих факторов и, в частности, от четкого распределения сфер влияния и их ответственности [13, с. 27]. Немецкий социолог М. Вебер разделял понятия «институт» и «целевой союз», проводя различие между ними в соответствии с такими критериями, как добровольность участия, наличие рациональных установлений и аппарат принуждения. Он отмечал, что институт — это «... общественные действия по определению содержания и средств общественных действий, целерационально принятые всеми участниками на основе общего согласия» [2, с. 536—537]. Институт, в понимании М. Вебера, это рационально упорядоченная часть «союзных действий», частично, рационально упорядоченный союз. Французский социолог Э. Дюркгейм вслед за Г. Спенсером рассматривал сложные типы обществ

как комбинации простых. Генетически общество как реальность возникает в результате взаимодействия «социализированных индивидов» через сложные механизмы интериоризации, ценностные ориентации индивидов и действует по своим собственным законам. Само понятие «институт» Э. Дюркгейм определял и трактовал как устойчивые нормы, регулирующие поведение людей и реализующиеся в формах организации общественных взаимоотношений, то есть как качественно идеальное образование в виде соответствующих нормативов и верований, их материализация в практической деятельности конкретных организаций [5, с. 413, 545]. Т. Веблен представлял институт как «стереотип мысли» (*habit of thought*), который по своей природе является привычным способом реагирования на стимулы, создаваемые переменными обстоятельствами [3, с. 200—201].

Эволюция институционального подхода позволяет выделить несколько основных подходов к трактовке субстанции «политический институт». Так, в рамках первого подхода институты понимаются как формальные объединения людей, организации, учреждения (от государственных органов и партий до гражданских организаций). Однако остается дискуссионным тезис о возможности идентификации понятий «институт» — «организация». Так, один из классиков институциональной теории Д. Норт разграничивает эти понятия. «Институты, — отмечает ученый, — это «правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [9, с. 17]. Организацию он определяет как «группу людей, объединенных стремлением совместно достичь какой-либо цели» [9, с. 20]. Взаимодействие между такими феноменами, как «институт» и «организация» имеет органично-диалектическую природу. Институты создают рамочные возможности для соответствующей деятельности своих членов, организации создаются для достижения их целей и выступают агентами институциональных изменений [9, с. 20]. В рамках второго подхода политические институты определяются как совокупность соответствующих норм и правил, регламентирующих позиции и индивидуальное поведение граждан, полностью детерминируют влияние организационных структур и норм на политический процесс. При таком понимании категории «политический институт» возникает необходимость выяснить, по крайней мере, два вопроса, которые корректируют его сущность. Во-первых, как соотносятся понятия «институт» и «норма»? Во-вторых, каковы возможности включения

в понятие «институт» неформальных норм и правил поведения, которые могут быть приемлемы для политического процесса?

Итак, в указанных подходах классического институционализма можно выделить определенные разногласия относительно понимания природы, сущности, функций и места политических институтов в общественной жизни. Однако, большинство исследователей институциональной проблематики считали, что содержательная сторона понятия «политический институт» должна включать в себя, прежде всего, такие главные компоненты, как формализованная организационная структура, осуществляющая свои функции в системе политической практики в соответствии с требованиями, ценностей, легитимности ее существования; нормативная система (модель) политических взаимоотношений, связывающая и регламентирующая позиции и поведение граждан. Таким образом, традиционный институционализм недостаточно уделяет внимания именно неформальным нормам и правилам, ценностным и социокультурным аспектам политических процессов и институтов. Поэтому главной характеристикой традиционного институционализма было изучение формально-юридической стороны институтов, их внутренней структуры с позиций описательно-индуктивного подхода. Соответственно, часто невозможно понять и объяснить разрыв между формальной и реальной политикой, особенно в транзитных сообществах, проанализировать их специфику. Хотя следует признать, что данная методология была во многом продуктивна. Большинство исследователей институциональной проблематики считают, что содержательная сторона политического института включает в себя два главных компонента. С одной стороны, это определенная модель самой системы социальных отношений, представляющая собой оптимальный образ матрицы соединенных позиций, с другой — непосредственно организационные структуры, с помощью которых институт осуществляет свои основные функции в политической практике, а также те, которые воспроизводятся в соответствии с ценностями, стереотипами легитимирующими его существование.

Исследователи неоинституционального подхода, в рамках которого происходил «ренессанс» институтов, в частности, Г. О'Доннелл, С. Хантингтон, Т. Парсонс, М. Дюверже, Дж. Найт, М. Ориу, Дж. Марч, И. Олсен, П. Холл, Р. Тейлор, П. Мэр, Т. Лукман, П. Бергер, Х. Балзер, С. Эрссон, С. Кроуфорд, Г. Хелмке и др., сформировали и развили инновационное понимание сущности и содержания политических институтов, которые определяются как сложные комплексы, включающие в себя формальные и неформальные правила, систему

норм, символов, моральных шаблонов и, определяющие «смысловые рамки» позиций и действий индивидов. Кроме того, неоинституциональный подход акцентирует внимание на неформальных образованиях — группах давления, политических сетях и т. д., которые влияют на политические процессы. В частности, Т. Парсонс предложил такую интерпретацию понятия институтов: это «... всеобщие модели норм, которые определяют категории разрешенного и запрещенного поведения в социальных отношениях между людьми, в их отношениях друг с другом как членов общества и его различных подсистем и групп» [10, с. 177]. В свою очередь, Г. О'Доннелл определял институты как «коллективное действие по управлению, либерализации (liberalition) и расширению поля индивидуальных действий, упорядочивающих образцы взаимодействия» [15, с. 57]. В этом контексте, по мнению М. Дюверже, термин «институты» можно было бы зарезервировать для обозначения совокупности идей, верований, обычаев, которые составляют упорядоченное и организованное целое (например, брак, семья, выборы, правительство, собственность и т. д.)» [4, с. 644]. «Все институты, — отмечает он, — являются одновременно структурной моделью и совокупностью коллективных представлений, имеющих большую или меньшую связь с ценностями. Таким образом, все институты более или менее непосредственно соотносятся с «системой ценностей» [4, с. 645]. То есть, для М. Дюверже институты являются определенными идеальными учреждениями в виде соответствующих традиций и верований, системой ценностей, тогда как их реализация происходит в практической деятельности конкретных организаций. У некоторых исследователей (С. Хантингтон, С. Липсет) сохраняется интерпретация политического института как нормативно-правовой базы политических явлений и процессов, для обеспечения эффективного управления современным обществом [14, с. 19]. Б. Ротстайн считает, что «термин «политические институты» можно употреблять только в отношении формальных правил, принятых для политического процесса» [12, с. 161]. Я.-Э. Лейн и С. Эрсон считали, что институты являются организациями, включающими в себя как соответствующие нормы, так и элементы социально-политической практики, поскольку понятие «институт-организация» объемнее понятия «институт норма» [17, с. 24]. П. Бергер, Т. Лукман оценивали политические институты «как имеющие свою реальность, с которой индивид сталкивается как с внешним принудительным актом» [1, с. 98-99].

Итак, в рамках неоинституционализма можно выделить несколько позиций. Первая подразумевает включение в понятие «политичес-

кий институт» формальных социокультурных факторов. Это может привести к частичной неопределенности или крайне широкому пониманию данного понятия. В рамках второй точки зрения в понятие «политический институт» включены деиндивидуализированные профессиональные требования и деперсонифицированные обязанности и права, предопределяющие поведение граждан в различных сферах их жизнедеятельности и делающие индивидуальное политическое поведение, политический процесс в целом предсказуемыми и стабильными. А. Лейпхарт и Ф. Шарпф отмечают, что институты следует рассматривать как основную детерминанту, которая задает результативность политики и способность акторов осознавать свою цель, частично определяемую институциональной константой, в которой они действуют. То есть согласно неоинституциональному подходу, в отличие от структурного функционализма, бихевиоризма, марксизма и других концепций, политические институты как самостоятельные субъекты играют решающую роль в обществе, в частности, в политической жизни, формируют и реализуют интересы социальных групп (элит-контрэлит), непосредственно влияют на эффективность и качество их жизнедеятельности. На это указывают Дж. Марч, И. Олсен, Б. Вейнгагст и другие авторы, считая, что институты — это «путь, которым политическое поведение глубоко укореняется в институциональную структуру правил, норм, ожиданий и традиций» [19, с. 734—744], то есть именно институты оказывают главное и определяющее влияние на индивидуальное поведение личности, устанавливают пределы индивидуального выбора через формирование предпочтений. Такая позиция формирует особый статус политических институтов. В частности, Б. Питерс отмечает, что «...новый институционализм настаивает на существовании автономной роли политических институтов. Государство не только испытывает влияние со стороны общества, оно так же влияет на него. Политическая демократия зависит не только от экономических и социальных условий, но и от дизайна политических институтов. Бюрократическое агентство, законодательный комитет и апелляционный суд является аренами для соперничества социальных сил, но они составляют собой и совокупность стандартных рабочих процедур и структур, определяющих и защищающих интересы. Они являются политическими актерами по праву» [11, с. 219—220].

Для уточнения понятия «политический институт» следует ответить на два важных вопроса: 1) любая ли формальная норма или правило может определять основу деятельности института и тем самым приобретать институционализированный характер;

2) должен ли институт содержать в себе двойственное (дуалистическое) значение, то есть представлять как систему норм, правил, интересов, так и механизмы, процедуры (технологии) их выражения и реализации? В частности, в понятии «политический институт» необходимо отразить своеобразное противоречие, заключенное в нем самом как политическом феномене, с одной стороны, расширение «границ» свободы такого института, а с другой — определенная обусловленность, то есть ограничение выбора (спектра) действий, к которому приводит институционализация. «В политической науке под институтом, — отмечает С.В. Патрушев, — в общем виде понимаются: 1) политическое установление — комплекс формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность человека в политической области; 2) политическое образование, или учреждение, организация — определенным образом организованное объединение людей, та или иная политическая структура; 3) устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме» [6, с. 10]. Другими словами, политические институты являются реакцией на социальную потребность, определенную организацию (самоорганизацию) ее удовлетворения через совместную деятельность субъектов. С этой точки зрения политические институты — это достаточно сложная структурно-функциональная система, которая включает в себя статусно-ролевой компонент, ценностно-нормативную систему, стандарты поведения, ресурсный потенциал, систему санкций и контроля и др., связанных, прежде всего, с достижением, осуществлением и распределением политической власти.

Ключевая проблема анализа политических институтов заключается не столько в их резервах и возможностях, сколько в их способности к самоорганизационным (синергетическим) процессам. Именно смещение исследовательского акцента в плоскость самоорганизации политических институтов предполагает инвариантность, то есть разнонаправленность векторов организационных и самоорганизационных институциональных изменений, исследование которых возможно только с помощью методологии системного анализа и моделирования. Соответственно можно определить два основных механизма реализации их сущности. Первый заключается в самоорганизации неформальных институциональных процессов, политических институтов. Второй — в бифуркационном процессе трансформации самоорганизационной стороны формальных политических институтов и отношений. Это означает перспективу появления новой совместной

упорядоченности и новых коммуникационных связей, когда субъекты институциональных систем — политические институты — взаимодействуют через новый уровень взаимодействия. Поэтому задача трансформации заключается прежде в качественной реструктуризации внутренней мотивационной среды политических институтов, их переориентации на результаты самоорганизующихся внутримотивационных процессов и механизмов. Такие требования должны соблюдаться, в первую очередь, при проведении реформ в государствах транзитивного типа.

Список литературы:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. — 303 с.
2. Вебер М. Избранные произведения. Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. — 808 с.
3. Веблен Т. Теория праздного класса / Пер. с англ., вступит. статья С.Т. Сорокиной. Общая ред. В.В. Мотылева. М; Прогресс, 1984 — 265 с.
4. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Антология политической мысли. В 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль: XX в. /Нац. общественно-научный фонд; отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: Мысль, 1997. Т. 2. М., 1997. — 830 с.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с франц. М.: Наука, 1991. — 572 с.
6. Институциональная политология: Современный институционализм и проблемы политической трансформации России/ред. С.В. Патрушев. М.: ИСПИ РАН, 2006. — 590 с.
7. Лапкин В., Пантин В. Политические ориентации политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Полис. — 1999. — № 6. — с. 70—80.
8. Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы. / Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. — с. 309—329.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
10. Парсонс Т. Система современных обществ. / Перевод с англ. Седова Л.А., Ковалева А.Д. М.: Аспект Пресс, 1997. — 271 с.
11. Питерс Б.Г. Политические институты: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. — С. 218—232.

12. Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы// Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. — С. 149—180.
13. Спенсер Г. Основания социологии // Сочинения в семи томах. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1898. Т. 1—2.
14. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 480 с.
15. O'Donnall G. Delegative Democracy // Journal Of Democracy. — Vol. 5. — № 1. January. — pp. 56—69.
16. Duverger M. Sociologie Politique. Paris, 1968. — 506 p.
17. Lane J.-E., Ersson S. The New Institutional Politics: Performance And Outcomes. London And New York: Routledge, 2000. — 329 p.
18. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases Of Politics. Garden City (NY): Doubleday, 1960. — 432 p.
19. March J.G., Olsen J.P., The New Institutionalism: Organisational Factors In Political Life // American Political Science Review — Vol. 78. — 1984. — p. 738—749

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПОНЯТИЯ МОЛОДЕЖИ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СОЦИУМА

Белошанка Геннадий Иванович

*канд. пед. наук, доцент,
Сургутского государственного педагогического университета,
РФ, г. Сургут
E-mail: gbeloshapka@yandex.ru*

THEORETICAL APPROACHES TO THE CONCEPT OF YOUTH IN REGIONAL STRUCTURE OF SOCIETY

Beloshapka Gennadiy

*candidate of pedagogical Sciences, associate Professor
of socio-cultural education Surgut state pedagogical University,
Russia, Surgut*

АННОТАЦИЯ

В связи с изменением в социальной, экономической и политической жизни страны автором статьи рассмотрены новые научные подходы в решении вопросов, связанных с социализацией и интеграцией современной молодежи в общественном пространстве. Проанализированы направления современных исследований, посвященных проблемам российской молодежи. Дано определение провинциальной молодежи.

ABSTRACT

Due to changes in the social, economic and political life of the country by the author of the article discussed new scientific approaches in addressing issues related to the socialization and integration of modern youth in public

space. Analyzed trends in contemporary research on the problems of Russian youth. The definition of the provincial youth.

Ключевые слова: социализация; интеграция; провинциальная молодежь; институциональное направление; структурно-функциональное направление; культурологическое направление; регионально-идентификационное направление; психоаналитическое направление; рискологическое направление; ювенологическое направление.

Keywords: socialization; integration; provincial youth; institutional arrangements; structural-functional area; cultural area; regional identification direction; psychoanalytic direction; risk direction; vinological direction.

Молодежи как социально-демографической группе присущи ряд особенностей, которые являются отличительной чертой по сравнению со старшим поколением. Прежде всего, следует отметить неполное ее включение в социально-экономические отношения. Но вместе с тем, именно она всегда была наиболее мобильной и инициативной.

В настоящее время численность молодых людей от 15 до 29 лет в России в последние несколько лет неуклонно снижается, заявил на заседании коллегии Минобрнауки глава департамента Александр Страдзе [8].

«По официальным данным Росстата, в 2012 году в РФ насчитывалось 31,6 миллиона молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет, что составляет 22 % от общей численности населения России», — отметил А. Страдзе [8].

Также им была приведена статистика прошлых лет: так, в 2011 году молодых людей этого возраста насчитывалось 32,4 миллиона человек, а в 2009 году — 33,7 миллиона человек, 23 % и 24 % соответственно.

По мнению главы департамента, представленные данные, говорят не только о снижении общего количества молодежи, но и их доли в общей численности населения. При этом он выразил сожаление, что уровень созидательной социально-политической активности молодежи очень низок.

В свою очередь глава Росмолодежи Сергей Белоконев отметил, что в ближайшие 10 лет число молодых людей уменьшится до 25 миллионов.

«В этих условиях нам предстоит развивать экономику страны, и это как раз определяет актуальность активной, энергичной молодежной политики, к которой предстоит перейти» [1].

Исходя из этого следует заключить, что данная ситуация может повлиять на перспективы экономики, разработки и внедрения инно-

ваций в сфере науки, культуры, производства, если не обращать внимание на развитие качественного потенциала современной молодежи.

Таким образом, изменение в социальной, экономической и политической жизни страны требуют новых научных подходов в решении вопросов, связанных с социализацией и интеграцией современной молодежи в общественном пространстве.

Интерес к молодежной проблеме в отечественной социологии возник на рубеже XIX—XX веков. Начиная с 1960—1970-е гг. стали активно проводиться исследования молодежи, которые были отражены в трудах Б.А. Грушина, В.Т. Лисовского, В.А. Ядова, М.Н. Руткевича, Л.Н. Когана, Ю.Е. Волкова, З.И. Файнбурга, В.Н. Шубкина, В.А. Устинова [4, с. 108].

Основоположниками социологии молодежи в России В.Т. Лисовским, С.Н. Иконниковым, А.С. Кулагиным были разработаны социологические подходы к изучению молодежи, исходя из которых, данная социальная группа стала рассматриваться, как самостоятельная социально-демографическая группа, которой было определено место в социальной структуре общества [7, с. 61].

Современные исследования, посвященные проблемам российской молодежи можно представить по следующим направлениям.

1. Институциональное направление связано с применением институционального анализа общественных процессов (Л. Баллард, Г. Барнз, К. Панунцио, Т. Парсонс, Д. Хортзлер, Ф. Чэпин, Д. Фейблман и др.). В данных исследованиях интерпретируются социальные институты как механизмы внедрения в сознание человека рационалистических установок и норм, поведения. В современной российской социологии понятие «социальные институты» определяются как типы, и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь (М.С. Комаров, Н.Б. Костина, И.И. Лейман, Л.Н. Московичев, Г.В. Осипов, А.М. Яковлев). В настоящее время в социологии молодежи мы можем наблюдать связь с реализацией ее основополагающих жизненных потребностей, интеграцией в общество, восприятия и трансляции социального опыта от поколения к поколению, поддержанием и сохранением политических и духовных ценностей — институты семьи, образования, труда, и занятости, культуры и досуга, политики, средств массовой информации, религии [7, с. 158—159].

2. Структурно-функциональное направление представлено в работах Б. Малиновского, Р. Мертона, Т. Парсонса, А. Радклифф-Брауна и др. Сущность данного направления состоит в выделении элементов социального общественного взаимодействия.

В настоящее время идет поиск возможностей применения категорий структурного функционализма в социологическом изучении молодежи в условиях социальной неопределенности и риска [7, с. 486—489].

3. Культурологическое направление представленной группой теорий, где молодежь рассматривается преимущественно через совокупность типичных ей социокультурных функций и свойств. К данным теориям следует отнести социально-антропологические концепции (Р.Ф. Бенедикт, Б.К. Малиновский, М. Мид, А.Р. Радклифф-Браун, и др.). Теории, рассматривающие молодежные субкультуры (Д.Л. Агранат, В.В. Воробьев, В.А. Луков, Ю.Е. Надточий и др.).

Культурологическое направление, исследуя молодежь, выделяет важнейшие изменения в характере социальных статусов и ролей, осваиваемых молодежью в ходе интеграции в общество [7, с. 207—209].

4. Регионально-идентификационное направление является предметом исследования, таких ученых как А.С. Ахиезер, Л.А. Беляева, Л.Г. Бызов, М.К. Горшков, В.В. Маркин, А.А. Нелюбин, Н.Е. Тихонова, В.А. Ядов и др.

По мнению исследователей, среда жизнедеятельности социально-территориальных общностей становится не только условием их коллективной жизни, но и предметом социального проектирования использования всего совокупного потенциала территории для повышения уровня и качества жизни и оптимального социального воспроизводства регионального социума.

5. Социально-воспроизводственное направление в исследовании молодежи определяется как социально-демографическая группа, выделяемая на основе обусловленных возрастом особенностей ее становления в качестве субъекта общественного воспроизводства [7, с. 450]. В конце 80-х годов XX века представленный подход в изучении молодежи разработал В.И. Чупров. Его труд опирается на исследования Л. Выготского, А. Здравомыслова, И. Кона, А. Леонтьева, М. Руткевича, В. Староверова, В. Шановского и др.

6. Психологическому направлению посвящены труды С.Н. Иконниковой, И.С. Кона, В.С. Магуна, Е.Р. Ярской-Смирновой и др. Исследования данных авторов направлены на обобщение характеристик молодежи, на психофизиологический анализ молодости, что является важным аспектом в рассмотрении социальной проблемы в рамках комплексного подхода [7, с. 382].

7. Рискологическое направление является в настоящее время наиболее активно развивающихся подходов. Данный подход был разработан в конце XX века и возник в связи с изменяющимися социальными условиями, где на первое место выдвигалась проблема

социальной неопределенности и риска. Данное направление представлено рискологическими теориями У. Бека, Э. Гидденса, С. Лаша, Н. Лумана [7, с. 405].

8. Ювенологическое направление рассматривает комплексное междисциплинарное исследование молодого поколения. В данном направлении работали В.В. Павловский, Е.А. Слуцкий [7, с. 593].

Вышеупомянутые теоретические подходы могут являться базой для изучения проблем социализации провинциальной молодежи в современных условиях.

Изучение проблем современной провинциальной молодежи, показало, что социальное расслоение молодых россиян становится более значимым фактором, чем сходство по возрастным признакам. Исходя из проведенного анализа современных социологических исследований (В.П. Букин) «Молодежь российской провинции», следует рассматривать с позиции различий, которые заключаются:

- в уровне социально-экономического и культурного развития российских регионов;
- в условиях жизни и ценностно-нормативной среде малых городов, крупных промышленных, культурных и научных центров, агломерации;
- в образе жизни молодежи вследствие ее дифференциации по социально-экономическим признакам [2; 3; 4].

Выделяя особенности молодежи провинции, следует отметить востребованность ее профессиональных качеств как работников на региональном рынке труда, наряду с обостренным материальным положением и миграционными настроениями. Важным обстоятельством формирования социального настроения является социально-экономический фактор. Подавляющая часть провинциальной молодежи стремится к удовлетворению материальных нужд, тем самым меняя свои жизненные ориентации, приспособляясь к современной действительности, что во многом и предопределяет социальное настроение молодых людей.

Говоря о социально-статусной классификации молодежи, из вышесказанного следует констатировать прямую зависимость данной социальной группы от современного социально-экономического положения, что прямо и непосредственно связано с социально-статусной классификацией молодежи, в частности с принадлежностью к определенным слоям социально-иерархизированной структуры регионального провинциального социума.

Ю.А. Зубок считает, что, в процессе включения молодежи в социальную структуру, происходят преобразовательные изменения и совершенствования ее благодаря своему инновационному потенциалу.

Мы согласны с авторским тезисом о том, что социальная активность молодежи зависит от формирования интересов, потребностей и ценностей, которая образует структуру мотивационной сферы сознания молодых людей и является субъективной составляющей создания социальных отношений. Благодаря этому и осуществляется осознанный выбор путей и способов включения молодежи в различные «ячейки» социальной структуры [5, с. 14].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сформулировать определение *провинциальной молодежи*, которая характеризуется ограниченными возрастными рамками, специфическим образом жизни, поведенческим стилем, культурными нормами и ценностями. Данная социальная группа выполняет воспроизводственную, инновационную и трансляционную функции и является объектом и субъектом социализации, социальной адаптации, самоопределения и самоидентификации, а также ресурсом и потенциалом социальной структуры регионального социума.

С нашей точки зрения провинциальная молодежь представляет собой демографическую группу в которой существует расслоения по уровню:

- жизненных условий;
- ценностно-нормативной среды малых городов;
- материального положения в условиях социально-экономической дифференциации. Данные обстоятельства порождают миграционные процессы в связи, с которыми молодым людям приходится менять свои жизненные ориентации, и приспосабливаться к современной действительности.

Список литературы:

1. Белоконов С. РИА Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.fontanka.ru/2013/06/18/049/> (дата обращения: 11.11.2014).
2. Букин В.П. Занятость молодежи в регионе: проблемы и решения. Программно-аналитический проект / В.П. Букин, В.В. Маркин, С.Г. Михнева, Л.И. Найденова. Пенза, 1996. — 190 с.
3. Букин В.П., Розеватов Г.А. Нестандартная занятость в современных условиях // Вестник Поволжской академии государственной службы им. П.А. Столыпина. — 2007. — № 13. — С. 108—113.
4. Букин В.П. Социализация молодежи российской провинции в современных условиях: Дисс. ... док-ра соц.наук. Пенза, 2010. — 357 с.
5. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи / Ю.А. Зубок. М.: Мысль, 2007. — 288 с.

6. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. — 2008. — № 7. — С. 108—117.
7. Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. — 648 с.
8. Энциклопедический словарь. / отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. — 608 с.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ПРОГРАММЫ ДЛЯ АНАЛИЗА КАЧЕСТВЕННЫХ ДАННЫХ: ВЕГА И TEXTANALYST

Гегер Алексей Эдуардович

*канд. соц. наук, ст. науч. сотр.
Социологического Института РАН,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: ageger@gmail.com*

Гегер Светлана Александровна

*мл. науч. сотр. Социологического Института РАН,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: svetlana.geger@gmail.com*

DOMESTIC COMPUTER PROGRAMS FOR QUALITATIVE DATA ANALYSIS: VEGA AND TEXTANALYST

Alexey Geger

*PhD in Sociology, Senior Researcher
of The Sociological Institute of The Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg*

Svetlana Geger

*junior Researcher
of The Sociological Institute of The Russian Academy of Sciences,
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема компьютерной поддержки анализа качественных и смешанных качественно-количественных данных. Систематически анализируются возможности двух отечественных разработок Vega и TextAnalyst. Оценивается потенциал программ при работе с большими текстовыми массивами, с массивами данных, состоящих из ответов на открытые вопросы, со смешанной информацией. Обсуждаются принципы классификации и кодификации в программах.

ABSTRACT

The article describes the problem of computer support for qualitative and mixed data analysis. The possibilities of the computer programs named Vega and TextAnalyst is systematically explored. The potential programs is estimated when we work with large text arrays, with data sets consisting of responses to open-ended questions, with mixed data. The principles of classification and codification programs are discussed.

Ключевые слова: компьютерные программы; качественные данные; смешанные данные; текстовые массивы; классификация; кодификация.

Keywords: computer programs; qualitative data; mixed data; text arrays; classification; codification.

Введение. До 90-х годов XX века большинство отечественных социологов, практикующих эмпирические исследования, ограничивалось использованием методов, основанных исключительно на положениях количественного статистического подхода. Важно отметить три составные части этого подхода — стандартизация процедуры сбора данных, массовые выборки, обеспечивающие доверие итоговым результатам, вероятностно-статистический анализ и, соответственно, статистически-обоснованные выводы. Количественный подход привлекал социологов своей внешней доказательностью, обеспечивал то самое стремление к научности, которое демонстрируют коллеги естественнонаучных дисциплин.

В начале 90-х годов XX века ситуация в отечественной социологии изменилась: все больше исследователей стали обращаться к качественной парадигме. Вышли знаковые работы таких авторов, как В.А. Ядов, В.В. Семенова, А.С. Готлиб, Е.Л. Омельченко и др. Однако указанные работы носят скорее теоретический, нежели практический характер. Довольно редко в отечественных публикациях, посвященных проблеме анализа нечисловой информации, можно встретить ссылки на конкретные компьютерные программы, призван-

ные ассистировать исследователю. Отсюда можно сделать вывод, что-либо авторы считают эту проблему второстепенной, либо (что, скорее всего) пользуются при анализе текстовых массивов, как и много лет назад, методом «карандаша и бумаги».

Программа Вега. Компьютерная программа «ВЕГА» вышла в свет в 2007 году. Это совместная отечественная разработка СИ РАН и ЭМИ РАН. Разработчиками являются Г.И. Саганенко, Е.А. Каневский и К.К. Боярский. По сути это усовершенствованная и адаптированная под операционную систему Windows программа «ДИСКАНТ» (Диалоговая Система Контент-Анализа Текстов), которая была выпущена еще в 1994 году. «ВЕГУ» отличает дружелюбный интерфейс и некоторые усовершенствования, которых не доставало в «ДИСКАНТЕ» [2; 4].

«ВЕГА» — это диалоговая система классификации и анализа текстов, использующая принципы контент-анализа текстов, словари и классификаторы. Система в основном предназначена для обработки структурированной и, прежде всего, анкетной информации, представляющей собой ответы респондентов на открытые и полузакрытые вопросы социологических анкет. Кроме того, система позволяет выполнять некоторые элементы анализа текста: составление словарей, подсчет встречаемости слов, поиск слов по словарю и по тексту и т. д. Система обеспечивает статистический анализ ответов на закрытые и полузакрытые вопросы.

Программа «ВЕГА» — это инструмент не только качественного, но и количественного статистического анализа. Это в выгодную сторону отличает данную разработку от аналогов. В меню программы находится блок, названный статистическим анализом. Этот блок является достаточно мощным инструментом для программ текстового анализа.

С помощью данного блока пользователь может получить:

- Одномерный статистический анализ
- Двухмерный статистический анализ
- Трехмерный статистический анализ
- Таблица
- Многоальтернативный статистический анализ
- Шкалирование (что очень удобно, например, при работе с ответами о возрасте и уровне доходов).

В окне статистического анализа автоматически выводится среднее по полю, ХИ-квадрат, коэффициент Пирсона и коэффициент корреляции.

Основное же назначение данного программного продукта — анализ текстовой информации. Работа со словарями представляет начальный ресурс для анализа текстовых полей. В Вега можно

получать разнообразные словари, при этом в качестве текстовых единиц могут выступать слова, ключевые слова, «фразы» и полные ответы на один вопрос. Наиболее полезный ресурс — это частотный словарь, который выводит все слова, встречающиеся в поле, с указанием их частоты встречаемости. Этот инструмент позволяет найти основные темы, на которые приходится фокус внимания респондентов. Словари могут быть получены по одному текстовому полю, по нескольким или по всем текстовым полям исследования. При этом словари могут быть получены на весь массив анкет или на сформированный по одному или нескольким значениям признаков конкретный подмассив.

При **пермутационном выводе текста** дается полный перебор всех фраз из заданного текстового массива в алфавитном порядке по каждому слову, содержащемуся в соответствующем словаре. **Пермутационный словарь** очень полезен для получения исследователем начальных представлений, о чем же говорят респонденты в своих ответах, при поиске тематических классов для процедуры классификации массивов ответов на открытые вопросы.

После первичного ознакомления с текстом с помощью разного вида словарей, как правило, следующая задача исследователя — классификация суждений для выхода на более высокий уровень обобщений. При этой процедуре основная аналитическая нагрузка лежит на исследователе, программа же становится надежным партнером. В нашем исследовании ценностных ориентаций молодежи респондентов просили написать свои ценности, и обычно получаемые ответы были достаточно короткими — не более пяти слов на описание одной ценности [1; 3]. Это обстоятельство помогло нам применить процедуру **автоклассификации** текста. При этой операции машина «складывает» все однокоренные слова в одну папку, а исследователь затем группирует эти папки по смыслу. Так, в нашем случае был выделен класс «Семья», в который в качестве подклассов были введены категории «родители» и «дети». После окончания процедуры классификации можно получать различные статистики (распределения и пересечения) по выбранным классификаторам.

TextAnalyst — программное обеспечение, предназначенное для анализа содержания текстовых массивов и смыслового поиска.

Система разработана на основе искусственных динамических нейронных сетей, и позволяет формировать базы знаний с автоматической классификацией (а в дальнейшем и с рубрикацией) исходных текстов и возможностью их преобразования в гипертекст.

Программа предоставляет следующие возможности:

- автоматическое реферирование текста;
- преобразование текста в гипертекст;
- смысловой поиск;
- формирование смыслового портрета текста на основе семантической сети, содержащей основные понятия и их смысловые связи;
- выявление иерархической структуры тем и подтем текста — формирование тематического дерева-структуры массива

Принципы функционирования

Первый — принцип ассоциативности, суть которого в том, что информация хранится таким образом, что появление небольшого ее фрагмента сразу отсылает к месту, где она хранится. Отсюда вытекает возможность статистической обработки: если фрагменты информации совпадают, они налагаются друг на друга, что позволяет установить частоту встречаемости различных элементов. В результате такого анализа формируется семантическая сеть — основная структура, характеризующая смысл текста, в которой понятия (слова и словосочетания) объединяются ассоциативными связями в соответствии с их совместной встречаемостью.

Второй принцип — переупорядочивание информации в соответствии с ее связями. При этом весовые характеристики, сформированные на первом этапе анализа, преобразуются таким образом, что понятия, встречавшиеся во входной информации не очень часто, но связанные мощными связями с понятиями, имеющих большой вес, в свою очередь, приобретают большой смысловой вес. Здесь происходит как бы натягивание семантической сети на поверхность всего текста, которая отражает смысловые связи понятий.

Третий принцип заключается во включении семантической сети в дальнейший процесс структуризации информации. Фрагменты текста относятся к соответствующим понятиям и связям сети. Создается так называемое тематическое древо — представление структуры текста в виде многоуровневой иерархии тем и раскрывающих их подтем. В зависимости от смыслового строения текста, тематическое древо может иметь один корень (главную тему), или разваливаться на куст несвязанных друг с другом тем.

Соблюдение этих трех принципов позволяет формировать автоматически заданное представление информации, и без привлечения априорной информации.

Возможности системы

Построение семантической сети

TextAnalyst сначала выполняет частотную обработку информации, создает словари с ранжированием слов по частоте встречаемости,

в дальнейшем переупорядочивая их по количеству взаимных связей (наибольший вес получает слово с максимальным количеством смысловых связей), и выстраивает квазисемантическую сеть.

В ней в виде дерева представлена сеть основных понятий текста. Сеть понятий — это множество наиболее значимых терминов из текстов — связанных слов и словосочетаний. Аналогичным образом представлены и смысловые связи между понятиями текстов — отражаются лишь наиболее явно выраженные из них. Поэтому, с одной стороны сеть достаточно полно описывает смысл текстов, а с другой — позволяет сжато представить содержание текстового массива. Таким образом, каждое понятие оказывается представлено в одном узле сети, в котором также концентрируется информация, имеющая отношение к рассматриваемому понятию. Аналогичным образом собирается информация по смысловым связям каждого понятия — в виде списка всех связанных с ним в тексте понятий, дополненного предложениями, в которых отражаются данные связи.

Семантическая сеть строится следующим образом: сначала формируется сеть наиболее значимых понятий, содержащихся в тексте, которые выступают как основа для дальнейших видов анализа. Сеть понятий — множество терминов из текста (слов, словосочетаний), связанных между собой по смыслу. В нее включены наиболее значимые термины текста, несущие смысловую нагрузку.

Различные грамматические формы слова приводятся к одной наиболее часто встречающейся в тексте.

Важно также и то, что каждый элемент сети (понятие) характеризуется определенной числовой оценкой — смысловым весом. Она показывает, насколько важную роль играет понятие для смысла самого текста. Связи между парами понятий, в свою очередь, также характеризуются весами. Эта оценка позволяет задать способ сортировки информации, сравнить относительный вклад различных понятий и их связей в семантику текста, выявить более или менее важную тематику.

Значение оценки (лежащее в интервале от 1 до 100) показывает, насколько важным для понимания текста является понятие. Оценка равная 100 свидетельствует о том, что термин является ключевым, оценка стремящаяся к нулю означает, что термин был упомянут в тексте лишь вскользь и не играет значительной роли в понимании текстового массива.

Вес связей также всегда принимает значение от 1 до 100. Близкое к 100 значение показывает наличие сильной связи между понятиями в рамках рассматриваемого текста, это говорит о том, что два анали-

зируемых понятия употребляются в большинстве случаев совместно. Низкое значение веса связи указывает на отсутствие смысловых зависимостей между понятиями. Стоит также отметить, что коэффициент веса связи несимметричен, т.е. связь понятия А с понятием В не равна связи понятия В с понятием А. Причиной тому является разная частота встречаемости терминов и разная широта контекста употребления.

Заключение

Для исследователей, заинтересованных в применении автоматических методов классификации при анализе открытых вопросов можно дать следующие рекомендации:

В случае анализа данных, полученных с помощью формализованной анкеты с незначительным количеством открытых вопросов, рекомендуется использовать программу TextAnalyst для построения сети понятий, которая в большинстве случаев может дать представление о структуре классификатора. Далее кодировать ответы анкеты вручную, присваивая им коды полученных на предварительном этапе категорий, затем пользоваться привычными статистическими пакетами для обработки данных.

Система Вега представляет большой интерес в том случае, если исследователь собирается анализировать анкету, которая содержит большое количество открытых вопросов. В таком случае, следует вводить данные анкет непосредственно в базу данных Веги, составлять классификаторы и кодировать открытые вопросы с помощью данного пакета, и полученные результаты попытаться проанализировать статистическими средствами, доступными в пакете.

Список литературы:

1. Гегер А.Э. Выявление индивидуальных и групповых ценностей в группе молодежи. Релевантные методические решения // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 132—141.
2. Каневский Е.А., Саганенко Г.И., Гайдукова Л.М., Клименко Е.Н. Диалоговая система классификации и анализа текстов // Социология: 4М, — 1997. — № 9 — С. 198—216.
3. Саганенко Г.И., Гегер А.Э., Степанова Е.И. Потенциал рефлексивных методов в выявлении релевантных ценностей/ Социология: 4М. — 2011. — № 32. — С. 75—103.
4. Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы ВЕГА // Телескоп, — 2008. — № 6. — С. 43—45.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

СИМВОЛИКА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ТРУДА И ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАЗАМИ ЖИТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Окладникова Елена Алексеевна

профессор,

Российский государственный педагогический университет,

РФ, г. Санкт-Петербург

E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

PEDAGOGICAL WORK, IT'S SYMBOLS AND ITS SOCIAL VALUE IN THE EYES OF RESIDENTS OF ST. PETERSBURG

Okladnikova Elena

professor, Herzen university,

Russia, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье анализ представлений жителей российского мегалополиса (Санкт-Петербурга) о символике и социальной значимости труда преподавателей современных российских ВУЗов, собранных методом нарративного интервью. С помощью методов социальной герменевтики удалось выяснить, что уровень герменевтического знания о символике педагогического труда наших респондентов, который поддерживается символическими формами, крайне низок, а связь между современным социокультурным миром и традицией у них крайне мала.

ABSTRACT

In the article examines the ideas about the symbolic and social significance of the pedagogical work by the citizens of St. Petersburg, collected by the method of narrative interviews. We found out that the level of hermeneutic knowledge about pedagogical symbols is extremely low, and the relationship between the modern socio-cultural world and tradition

among our respondents is very small using methods of social hermeneutics analysis.

Ключевые слова: символика; педагогический труд; социальная герменевтика.

Keywords: symbolic; pedagogical work; social hermeneutics

Труд — это универсальное общественное явление. Универсальное потому, что с его помощью можно в категориях категорического императива определить общественную полезность человека; понять причины и силы позитивного развития общества, а также его богатства; объяснить прогресс общественного развития; раскрыть противоречия и конфликты общества; доказать взаимопределенность социальной, экономической, политической, культурной и религиозной жизни социума [1]. Сегодня тема труда, в том числе, педагогического, не рассматривается социологами в качестве определяющий бытие человека [2]. Фокус исследований направлен на изучение таких явлений как потребление, мобильность, сети, информация, разнообразные формы девиаций. Мода на исследование человеческой деятельности, а именно, трудовой, прошла. В обществе потребления труд мыслится как вынужденная активность, необходимая для достижения целей культуры потребления.

В 2014 году нами было проведено исследование символики педагогического труда, принятой в современном российском обществе. Анализ 230 интернет-сайтов позволил выявить 9-ть наиболее распространенных символов педагогического труда: а именно, 7-мь базовых (*сова, пеликан, книга, указка, докторская шапочка (конфедератка), дубовые/лавровые ветви, перо*) и два сложно-составных (*конфедератка+книга и книга+флаг РФ*). Исследование осуществлялось методом нарративного интервью [3], в котором приняло участие 67 человек: (респонденты как молодого (N=42), трудоспособного возрастов (N=17) и пожилого возраста (N=8). Примененная в полевом исследовании методика нарративного интервью предполагала побудить респондентов обратиться к событиям личной истории, заставить их осмысливать символику педагогического труда, опираясь на ценностно-нормативный опыт своего поколения.

Целью исследования была реконструкция общественного значения смысловых структур, связываемых нашими респондентами с трудом преподавателей ВУЗов. Программа исследования была ориентирована на следующие задачи: 1) реконструкцию паттернов социальных практик, которые понимаются как способ решения

проблем, связанных с вопросами гендерного неравенства, которое просматривается в разном отношении к труду преподавателей разного пола; 2) изучение восприятия респондентами групповых возрастных различий (ППС молодого и пожилого возрастов) в контекстах символических структур, а именно: образов-символов педагогического труда; 3) выявление общих практик прагматики (повседневности), которые определяют оценку респондентами педагогического труда, и, соответственно, статуса преподавателей ВУЗа в современной России через интерпретацию ими этой символики.

Результаты исследования. Пеликан как символ педагогического труда для респондентов обеих полов оказался ассоциирован с понятием, жертвенность. Мужская интерпретация этого образа включала «техничность» в передаче информации (педагог всего лишь транслятор информации, но не генератор её), «стойкость» перед лицом перемен (учитель будет исполнять свою благородную функцию при любых обстоятельствах). Женская интерпретация была связана со следующими нравственными и психологическими коннотациями: «альtruизм», «жертвенность», «готовность работать за гроши». «Педагог-пеликан, представитель старшего поколения, не зависимо от того, и мужчинами, и женщинами-респондентам как строгий, но заботливый педагог, готовый отдать все, лишь бы выучить детей. При этом респонденты указывали, что пожилые педагоги, как правило, «идеализируют советское прошлое», «более требовательны к студентам, чем молодые». Молодые педагоги «более прогрессивны», «менее строги к студентам», с ними «проще договориться», «они понимают, что прогресс не стоит на месте».

Образ «совы» как символ труда ППС мужчины-респонденты по большей части связывали с понятиями «мудрость», «знание», «накопленный жизненный опыт», а также с «юмором» как технологией успешной подачи материала учащимся. Для женщин-респондентов «сова» олицетворяла понятие «высшее образование», «наставничество», а также некий временной фактор: «выполнение заданий учениками в срок».

Символ «книга» рассматривалась респондентами-мужчинами как «источник знаний», а женщинами-респондентами как знак «инновационности» в педагогическом труде. Респонденты полагали, что для старшего поколения педагогов книга служит олицетворением их опыта и знаний, для молодых педагогов книга — это знак их устремленности в будущее.

«Указка» как символ педагогического труда осмыслялась респондентами мужчинами как знак авторитарности и беском-

промысленности ППС старшего поколения, которые «не хотят что-то менять», «туго следуют предписаниям учебников», «несут на себе идеологический груз». И мужчины, и женщины-респонденты ассоциируют указку с широким спектром негативных ассоциаций: от авторитарности до телесных наказаний.

С символом «перо» мужчины-респонденты связывали такие понятия как «консервативность», «твердость», «интеллигентность», «воспитанность», а также красивое письмо (каллиграфию). Женщины воспринимали «перо» более романтично, как «вечный поиск», «стремление ППС к совершенству в профессии», «талант», «высокий уровень мастерства педагога», а также «педагогику, как древнюю профессию», ведь перо уже вышло из повседневного употребления. Кнопочная культура и гаджеты вытесним ручной труд, соответственно, сделав этот символ не актуальным.

Конфедератка как символ педагогического труда для респондентов-мужчин означала «профессионализм», «авторитет», «высокий социальный статус, должность, научное звание». Для женщин-респондентов конфедератка была символом «американизации образования», «показушности», «самопиара», а также «искромётность ума», но только ППС-мужчин. В основном, конфедератка связывалась респондентами обеих полов с образом ППС молодого возраста.

Лавровые и дубовые ветви ассоциировались в сознании респондентов-мужчин с понятиями «амбициозности ППС старшего поколения», «их целеустремленность», «твёрдой жизненной позицией», «профессионализм», а также «победа». Женская интерпретация этого образа сводилась к понятиям: «альтруизм», «благородство», «верность».

Сложносоставные символы, в частности конфедератка+книга рассматривались респондентами-мужчинами знаки, указывающие на «стремлением ППС к самосовершенствованию», а женщины видели в нём «любовь к детям», «установку ППС на необычное преподавание материала», а также знак «полной отдачи любимому делу».

Символ «книга+флаг» мужчинами-респондентами интерпретировался как знак старшего поколения ППС, существенной чертой этих людей они называли «ответственность», «строгость», «силу воли», «верность Закону», а также «навязывание патриотического воспитания», «стремление в возрождению РФ как национальной империи». Женщины видели в этом символе выражение идеи «веры», «Закона», «мудрости», «гуманизма», «гражданской позиции», «демократии».

Выводы. Реконструкция общественного значения символики педагогического труда, осуществленная методами герменевтической социологии [4], позволяет сделать следующие выводы:

Респонденты (за очень редким исключением) не могли насладиться глубиной архаических идей, которые поддерживают символику, связанную с педагогическим трудом в силу редукции исторической памяти, погруженности в «злобу дня», погоней за сиюминутными ценностями потребительской культуры. Тем не менее, за такими символами, как сова, пеликан, книга, перо, указка, перо, которое традиционно используются для обозначения сущности педагогического труда, раскрывается широкая палитра мифологический, философских и сакральных смыслов. Эти смыслы, раскрывающие ценность и значимость труда педагогов, оказались за гранью сознания респондентов.

Интерпретация некоторых символов, как-то «пеликан» и «конфедератка» выявили гендерный режим, при котором женщины в профессии должны быть изначально ориентированы на более низкий социальный статус, чем мужчины, что не может не отразиться на их зарплате. Так, респонденты, интерпретируя образ пеликана, указывали, что именно женщины ППС могут «работать за гроши». Для мужчин ППС, как полагают наши респонденты, большое значение имеют личные победы, а не победы их учеников.

Для мужчин-респондентов были характерны более прагматические и критические интерпретации символов педагогического труда, чем для женщин, стремившихся романтизировать и одухотворять эти символы. Глубина герменевтического знания позволяет на социально-групповом уровне преодолевать культурно-ценностные разрывы по вертикали (т. е. утрату связи между индивидами и группами с традицией) и горизонтали (между различными традициями). Уровень герменевтического знания, которое поддерживается символическими формами, показывает, что связь между современным социокультурным миром и традицией у наших респондентов крайне мала.

Список литературы:

1. Карапетян Р.В. Наемный труд: уроки капиталистических преобразований в России./Капитализм в России: в поисках новых институциональных оснований. Под. ред. М.В. Синюткина. СПб.: Реноме, 2013.
2. Конт О. Общий обзор позитивизма. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
3. Стросс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Hans-Georg Soeffner. Symboltheorie [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://kowiki.mykowi.net/index.php/Hans-Georg_Soeffner

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИРГИЗИИ)

Сорочайкина Елена Владимировна

канд. филос. наук, доцент

*Киргизско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина,
Киргизская Республика, г. Бишкек*

E-mail: vision_el@mail.ru

FEATURES OF SOCIALIZATION OF TODAY'S YOUTH IN THE FORMATION CONSUMER SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF KYRGYZSTAN)

Sorochaikina Elena

candidate of Science, assistant professor

*of Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin,
Kyrgyzstan, Bishkek*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые аспекты социализации киргизстанской молодежи в условиях становления культуры потребления; анализируется проблема формирования ценностных ориентаций и установок в новой социоэкономической среде.

ABSTRACT

This article discusses some aspects of socialization Kyrgyzstan youth in terms of consumer society; examines the problem of the formation of value orientations and attitudes in the new socio-economic environment.

Ключевые слова: общество потребления; молодежь; ценности; социализация.

Keywords: the society of consumption; young people; values; socialization

Экономические изменения и политические преобразования в Киргизии за последние десятилетия привели к тому, что реальный процесс жизни многих киргизстанцев оказался ввергнутым в катастрофический катаклизм распада социальной материи. Переход к новому устройству общества — обществу потребления, сопровождающийся разрушением базисных социальных отношений, не мог не сказаться на общественной психологии отдельных индивидов и социальных групп, прежде всего молодежи.

Трансформация традиционных ценностей и установок, размытость норм и представлений, «двойные стандарты» поведения в социуме приводят к определенным трудностям в адаптации молодежи к условиям современного мира и, в целом, не способствуют успешной социализации. В этой связи особо актуальными становятся вопросы, касающиеся не только изучения особенностей кризиса на уровне общества, но и на уровне групп и личности.

Рассмотрим некоторые факторы социализации киргизстанской молодежи.

Одним из факторов, определяющих сложности социализации молодого поколения в КР, является переплетение в общественном сознании двух типов культур — традиционной и культуры потребления — порождает феномен «двойственности сознания», что препятствует формированию адекватной картины мира молодого поколения. Утверждение в социуме новых стандартов поведения, а именно: подмена реальных вещей и процессов их имитацией, ориентация на непрерывное появление новшеств и новинок, стимулирование людей к их потреблению, доминирование ценностей эгоистического прагматизма, утилитаризма, гедонизма, деградация смыслов труда и трудовой этики пр., — способствует укоренению в массовой психологии ценностей иждивенчества, рвачества, ловкачества, беспринципности [3]. В таких условиях, сочетающихся с социально-экономическим кризисом, образцом для подражания у молодого поколения зачастую выступает асоциальный герой, деятельность которого вроде бы и осуждается, но в то же время наделяется СМИ ореолом некой романтичности, гарантией безбедной жизни и даже успешности.

Резкая поляризация современного социума, нивелирование ценностей труда, поиски социальной справедливости через незаконные способы поведения среди определенных групп населения, бездействие властей в случае нарушения закона, приводят к увеличению преступности среди молодежи, рассматривающей девиации в качестве единственного способа достижения материального благополучия. Отсюда — рост иждивенческих настроений и «бунтарских» установок, нередко проявляющихся в требовании социальных дотаций, смене власти и т.п.

Нельзя не отметить растущее чувство равнодушия и апатии киргизстанцев к происходящему, связанное с атомизацией личности в современном мире, когда «каждый сам за себя» или за «своего», что в конечном итоге способствует размыванию нравственных ориентиров и укреплению традиционализма. Как следствие этих явлений — ориентация молодежи на «свою», этническую группу, которая в условиях нестабильности социума ориентирует индивида в окружающем мире, помогая восстановить целостность и упорядоченность окружающего мира [2]. Однако, идентификация молодежи с этнической общностью отнюдь не является положительным явлением, как это кажется на первый взгляд: чувство принадлежности к «своей» группе усиливает враждебность по отношению к «чужим», что в итоге порождает межэтническую напряженность в обществе, агрессивные настроения. При этом, как показывают исследования, растет уровень повседневного насилия среди молодых людей, и, особенно, среди подростков. В столкновения вовлекаются не только юноши, но и девушки, при этом многие респонденты говорят об участии в драках как о части повседневной реальности [4, с. 52]

Утверждение индивидуалистической психологии в обществе, сочетающееся с конфликтом как механизмом решения собственных задач, порождает не только отчуждение людей друг от друга, но часто приводит к нарушению норм гражданственности. Социальная пассивность формирует установку: «Я сам по себе, а государство — само по себе». Так, изучение ценностных ориентаций молодых киргизстанцев выявило, что образы будущего у молодых людей не связаны с представлением о развитии страны в целом и о роли молодежи в этом процессе. Реализация личных интересов практически не связывается с идеей о том, что для этого со стороны молодежи могут понадобиться усилия по изменению существующих в обществе условий. Социальная ситуация воспринимается как некоторая «данность», которая никак не зависит от самих молодых людей [4, с. 55]

Процесс инфантилизации социума усиливает существующая в культуре система воспитания личности. Преобладающие во многих семьях детоцентризм, гиперопека над детьми, установка родителей «решу сам проблемы своего ребенка» формируют личность, неспособную нести ответственность за свои поступки.

С другой стороны, вследствие миграционных процессов семья зачастую не выполняет социализирующей функции по отношению к подрастающему поколению: с ростом нищеты растет количество брошенных детей. В настоящее время в Киргизии насчитывается 117 учреждений интернатного типа, а число детей, по данным ЮНИСЕФ, за годы независимости увеличилось до 11 тысяч. При этом только 3 % детей являются круглыми сиротами, остальные 97 % имеют одного или обоих родителей, т.е. являются социальными сиротами [1].

Вызывает озабоченность и снижение ценности образования среди населения: по данным Национального Статистического Комитета КР, количество детей и подростков в возрасте от 7 до 17, не приступившим к занятиям общеобразовательных учреждений в 2013 году составило 2901 чел., при этом большинство из них (1021 чел.) вынуждены работать [5, с. 115].

Очевидно, что решение выявленных проблем требует комплексного подхода. В условиях формирования общества потребления важно задействовать сильные стороны рынка и по возможности нейтрализовать его негативные проявления. Развитие рыночных отношений во всех странах всегда сопровождалось столкновением традиционной морали с требованиями, формируемыми новой культурой. Киргизия — не исключение: ориентация массового сознания на новые образцы и стандарты поведения не проходит безболезненно для населения, так как зачастую привносимые Западом рыночные принципы не совпадают с нравственными и моральными устоями общества.

В этой связи важно помнить, что процессы разрушения протекают гораздо быстрее, нежели процессы созидания. Поэтому решение проблемы формирования у молодежи установок и ценностей, соответствующих современной рыночной ситуации, должно происходить и на уровне государства, и на уровне семьи. Общество, экономика которого строится на рыночных основаниях, нуждается в соответствующем типе человека — самостоятельном, активном, бережливом, предприимчивом, ответственном. Поэтому для оздоровления духовной атмосферы общества в центре внимания семьи и образовательных учреждений должно быть культивирование

у молодежи творческого подхода к любой деятельности, развитие нестандартного мышления, навыков сотрудничества, независимого принятия решений и чувства ответственности за их последствия. Подобные меры могут способствовать формированию адекватной картины мира киргизстанцев и, в целом, — социализации подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Анализ ситуации в детских резиденциальных учреждениях в Кыргызстане [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/media_10685.html (дата обращения 10.02.15).
2. Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г. Этническая социализация подростка. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2000. — 208 с.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006. — 272 с.
4. Молодежь Кыргызстана: ценностные ориентации, социальные настроения и конфликтное поведение. Отчет о результатах исследования. Бишкек, 2014. — 78 с.
5. Образование и наука в Кыргызской Республике, 2009—2013. Статистический сборник. Бишкек, 2014. — 315 с.

РОЛЬ СИМВОЛОВ В КОЛЛЕКТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ

Старовойтова Ольга Игоревна

аспирант, Волгоградский государственный университет,

РФ, г. Волгоград

E-mail: kotena00@gmail.com

ROLE OF SYMBOLS IN COLLECTIVE BEHAVIOUR

Starovoytova Olga

graduate student, Volgograd state university,

Russia, Volgograd

АННОТАЦИЯ

В данной статье ставится задача определить функции символа в коллективном поведении. В результате анализа понятия коллективного поведения и изучения его отличительных характеристик, автор выделяет пять функций символа, играющих определяющую роль в коллективных взаимодействиях. Автор показывает, что коллективное поведение достигается субъектами путём принятия общих значений, а символы носят системный характер — они создают сети смыслов.

ABSTRACT

This article seeks to identify functions of a symbol in collective behavior. As a result of analysis of the concept of collective behavior and the study of its distinguishing characteristics, the author allocates five functions of a symbol playing the defining role in collective interactions. The author shows that the collective behavior is reached by subjects by acceptance of general meanings, and symbols have systematic character — they create networks of meanings.

Ключевые слова: коллективное поведение; взаимодействие; коллективное действие; символ; символизм; манипуляция.

Keywords: collective behavior; interaction; collective action; symbol; symbolism; manipulation.

Исследования коллективного поведения как социального феномена восходят к концу XIX — началу XX века с выходом в свет книги французского антрополога, историка и социального психолога Гюстава Лебона «Психология народов и масс». Следует отметить, что изучение коллективного поведения — дело трудоёмкое. Применение эмпирических методов изучения таких видов коллективного поведения как толпа или социальные движения, действительно затруднительно, но, тем не менее, определённый прогресс был достигнут психологами и социологами. Но вернёмся к Г. Лебону. Не будем углубляться в суть его концепции (хотя, несомненно, она вызывает научный интерес и заслуживает внимания), а отметим лишь то, что «стоит какой-нибудь случайности свести индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы. ...каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдель-

ности» [4, с. 136]. Лебон отмечал, что индивид, попадая в толпу, становится похожим на варвара, опускаясь на несколько ступеней цивилизации, а это значит, что его сознанием проще манипулировать, чем и занимаются фанатики — лидеры толпы.

Ещё один немаловажный аспект поведения массы и способами её манипулирования был отмечен сторонниками психоанализа. Открытие двух пластов психики — сознания и бессознательного — стало огромным шагом в понимании человеческого поведения [11]. К.Г. Юнг ввёл в психоанализ такое понятие, как коллективное бессознательное — паттерны поведения, и архетип — символ культурной памяти, памяти предков. Многие техники манипулирования массовым сознанием построены на том, чтобы возбудить архаические компоненты психики. Современный русский психолог С.А. Зелинский отмечает, что «эффект наличия в бессознательном психики различных архетипов столь силен, что независимо от воли своего сознания тот или иной индивид бессознательно подчиняется некой бессознательной воле предков, практически бесповоротно готовясь выполнить любую волю вождя» [2, с. 75].

Социолог Нейл Смелзер определяет коллективное поведение как «относительно стихийное и неорганизованное поведение группы людей, реагирующих на неопределенную или угрожающую ситуацию» [7, с. 578]. С его точки зрения, коллективное поведение — это экстремальный вид поведения.

В рамках нашей статьи нет необходимости анализировать многочисленные определения коллективного поведения, но для нашего исследования представляет интерес обратиться к концепции символического интеракционизма и к трудам американского социолога Герберта Блумера.

По мнению Г. Блумера взаимодействие людей представляет собой «символическую интеракцию», в которой индивиды не просто реагируют на действия друг друга, но реагируют на значения, которые они придают этим действиям. Вторым пунктом концепции Блумера является то, что значения эти не фиксированы и не детерминированы: они создаются, развиваются и изменяются в процессе интеракции. И третий постулат, на котором базируется концепция символического интеракционизма, заключается в том, что участники интеракции принимают на себя роль другого и, таким образом, интерпретируют значения и намерения других. В этом контексте становится понятным, почему Блумер уделяет столько внимания проблеме коллективного поведения. Он определяет коллективное поведение как групповую активность, которая проявляется в том, «что индивиды действуют

вместе определенным образом, что между ними существует некое разделение труда и что налицо определенное взаимное приспособление различных линий индивидуального поведения» [1, с. 168]. Основой коллективного поведения являются определённые экспектации и понимание.

Г. Блумер в коллективном поведении выделяет: элементарное коллективное поведение и организованное коллективное поведение. Рассмотрим элементарные формы коллективного поведения. В их основе лежит круговая реакция — взаимное возбуждение. Если социальное беспокойство приобретает характер круговой реакции, то возникает элементарное коллективное поведение. Социальное беспокойство обладает рядом специфических черт: беспорядочный характер поведения, возбуждённые чувства и повышенная внушаемость.

Социолог выделяет три механизма элементарного коллективного поведения:

- толчея. Во время толчеи люди становятся более восприимчивыми друг другу, они заняты друг другом больше, чем объектом или событием.

- коллективное возбуждение, которое характеризуется тем, что может привлекать и сторонних наблюдателей. Ещё одной характеристикой коллективного возбуждения является повышенная эмоциональность индивидов. Они становятся более безответственными и «могут начать придерживаться таких линий поведения, о которых прежде они, вероятно, и не помышляли и, еще менее вероятно, что осмелились бы придерживаться» [1, с. 175].

- социальная инфекция, которая «относится к сравнительно быстрому, бессознательному и нерациональному распространению каких-либо настроений, порывов или форм поведения» [1, с. 175].

Блумер делает акцент на том, что указанные формы коллективного поведения могут порождать новые формы элементарного поведения, такие как действующая толпа, экспрессивная толпа, масса и общественность. Мы не будем углубляться в детальный анализ этих форм поведения, а назовём отличительные черты каждой из них. Попадая в действующую толпу, индивид перестаёт мыслить критически и прямо и быстро откликается на действия других индивидов. Эта толпа не имеет ни признанного лидерства, ни «мы-сознания», ни норм и ценностей, ни ролей. Действующая толпа имеет общую цель, некий образ, подкреплённый коллективной эмоцией, и в таком случае, она, как правило, готова к агрессивным действиям. Характерной чертой экспрессивной толпы является не наличие внешней цели, а возможность снять напряжение. Действия

экспрессивной толпы проявляются в виде коллективных танцев, во время которых участники получают эмоциональную и физическую разрядку. Массой является группа индивидов, который разделены в пространстве, могут происходить из различных слоёв общества и анонимны, но возбуждены значением события национально масштаба. Её члены действуют обособленно, но являются сознательными индивидами: «Индивиды отделены друг от друга и неизвестны друг другу. Этот факт означает, что индивид в массе, вместо того чтобы лишаться своего самосознания, наоборот, способен довольно сильно обострить его. Вместо того чтобы действовать, откликаясь на внушения и взволнованное возбуждение со стороны тех, с кем он состоит в контакте, он действует, откликаясь на тот объект, который привлек его внимание» [1, с. 185]. Особую роль в массовом поведении играет массовая реклама — она обращается к анонимному индивиду и концентрирует его внимание на новых значимых символах. Общественность отличают рациональные действия и критическое мышление. Индивиды взаимодействуют друг с другом, вступают в дискуссии и имеют общую цель — выработку коллективного решения и коллективного мнения.

Наряду со спонтанными формами коллективного поведения, Блумер выделяет и организованные формы, такие как общие и специфические социальные движения, экспрессивные движения, возрожденческие и националистические движения. Общие социальные движения характеризуются размытостью цели, отсутствием лидера и постоянных членов, они слабо организованны. Организация специфических социальных движений, как считает Блумер, похожа на организацию общества: в них выделяется лидер, существует распределение ролей, наличествует тактика и стратегия, имеется набор значимых символов и ценностей, своя философия и определённая цель. Именно для этих движений символика и ритуалы имеют большое значение. Экспрессивные движения направлены на то, чтобы обратить внимание людей на священные символы. Национальные движения имеют своей целью воссоздание прежних значимых символов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы можем сделать несколько выводов:

1. Коллективное поведение — это взаимодействие людей, одинаково реагирующих на ситуацию. Когда мы говорим «одинаково реагирующих», мы имеем в виду, что реакция индивида передаётся через социальное беспокойство другому, а отражаясь от него — третьему и т. д. Собственно, это и имел в виду Блумер, говоря о круговой реакции. В общем-то, говоря об одинаковой реакции

группы индивидов на объект, мы не ушли от бихевиоризма Д. Уотсона, который выражается в формуле «Стимул-реакция», как и не ушли от социального бихевиоризма Мида — Блумеровского происхождения, где реакция на стимул опосредована символическими интерпретациями действующих индивидов. Конечно, такая позиция имеет свои недостатки (например, игнорирование бессознательного компонента психики или мотивационной структуры личности), но мы не можем не замечать тех возможностей, которые открылись перед нами, когда мы объясняем поведение людей с этой точки зрения.

2. Коллективное поведение характеризуется тем, что вступая в него, индивиды изменяются сами и способствуют изменению других участников. Ещё Лебон отмечал, что толпа — это не сумма сознаний индивидов, в неё вступивших, а качественно новое образование. Участники коллективного поведения становятся эмоционально-неустойчивыми и менее сознательными, более безответственными и легко поддающимися внушению.

3. Коллективное поведение — это взаимодействие, а любое взаимодействие — это коммуникация. Языковые выражения и, в широком смысле, символизм служат практической функции — координации действий. Работы Юргена Хабермаса, в частности, подразумевают синтез символического интеракционизма с традицией социальных исследований практики [9]. Положения, связанные с коммуникацией и организацией группы, уточняют, что коммуникативное действие является коллективным процессом. В основном, жизнь группы организована вокруг коммуникации. В конечном счёте, коммуникация состоит не только в передаче идей между умами, но она определяет общие коллективные значения. Более того, группы существуют только на основе общей символизации своих участников.

Теперь обратимся непосредственно к вопросу о роли символизации в коллективном поведении. В традиции социологической мысли достижения школы Эмиля Дюркгейма являются, очевидно, существенными для того, чтобы рассматривать символику с точки зрения коллективных действий. Исследователи школы Дюркгейма сосредоточились не только на функциях, но и в большей степени на определении символических форм, таких как символическое коллективное представление, символическое воздействие и символическое воспоминание (коллективная память). Коллективные представления были разделены на религиозные и светские, включающие и исключаящие (наши-другие), горизонтальные и вертикальные (разделение труда и социальная иерархия) и другие. Коллективное символическое воздействие может быть положительным и отрица-

тельными. Символическое воспоминание может быть разделено на историческое и мифическое (времени, места, процессов, объектов, субъектов) [5]. В политологии, социологии, социальной философии положение Эмиля Дюркгейма о том, что социальные факты действительно символичны, всё ещё детально разрабатывается, хотя сегодня мы знаем больше об этом, например, о взаимозависимостях между властными отношениями и символическими действиями в обществе.

Альфред Шюц в книге «Символ, Реальность и Общество» кратко обобщил важные вопросы, поднимаемые в изучении символизации, а именно: различные определения знака и символа; различные пути понимания процесса символизации; различные взгляды на отношение между означающим и означаемым, а также множественные понятия intersубъективности знаков и символов [10]. Он констатирует, что при попытке выделить смысл, общий для различных теорий отношений значения и символа, он сводится к элементарным утверждениям, что объект, факт или событие, называемое знаком или символом, указывают на нечто иное, чем он сам. Шюц склонен считать, что символы имеют условный характер, что связь между символом и его значением является произвольной. Шюц указывает, что личный опыт общества, группы или сообщества обозначается символами.

Роджер Кобб и Чарльз Элдер, доктора философии и профессора американских университетов, в своей статье «Использование символов в политике» показывают, что у символа есть аффективный и когнитивный компонент и именно «аффективное восприятие символов даёт основу для организации коллективного действия» [3, с. 136]. Также они показывают, как с помощью символов организованная элита манипулирует неорганизованными массами населения.

В истории отечественной социально-философской мысли также имеет место интерес к роли символа в обществе. В 1913 году вышла в свет статья Питирима Сорокина «Символ в общественной жизни», в которой автор даёт классификацию социальных символов и говорит, что «так как общественная жизнь людей есть жизнь психическая, где мыслительные процессы совершаются непрерывно, как в одном человеке, так и во многих людях, и так как обмен чувствами, мыслями и переживаниями совершается в человеческом мире беспрестанно — то отсюда следует, что общественная или социальная жизнь людей есть сплошная символика» [6, с. 12]. Вспомним наше положение о том, что коллективное поведение — это взаимодействие. Символы формируются на основе взаимодействия: они являются его условием. Также символы являются смысловым полем, в котором возможно

взаимодействие субъектов. Для того, чтобы взаимодействие (коллективное поведение, групповое действие) стало возможным, необходимым условием является круг значений, общий для участников взаимодействия. И ещё одним важным свойством символов является то, что они становятся продуктами, результатами взаимодействия. Обратимся к примеру. Кризисные события на Украине, произошедшие в 2013—2014 гг. и длящиеся до сих пор, детально обсуждаются социологами и политологами. Нас интересует такое явление, которое получило название «Ленинопад». Первый снос памятника Ленину в Киеве инициировал массовые беспорядки и снос памятников в других городах. Памятник Ленину — символ связи Украины с прошлым СССР. Разрушение этого значимого символа послужило фактором формирования форм спонтанного коллективного поведения. Социальные изменения, происходящие в Украине, привели к изменениям в мире символических значений. Вместо Ленина возник новый символ — так называемая «Елка» на киевском Майдане, на которую были прикреплены флаги Украины и плакаты с лозунгами. Новый символ выражает стремление Украины к самоидентичности и является общезначимым. Он послужил основой для формирования организованных форм коллективного поведения — социальных и националистских движений. Как справедливо отмечает Л.А. Степнова, что «важным качеством символа является его способность обеспечивать мотивацию совместных действий» [8, с. 94].

Исследованиями роли символов в социальной жизни занимаются такие деятели российской социологической науки как В.Ф. Бурлачук, А.В. Плахова, Л.А. Степнова, О.А. Кармадонов, Н.В. Кулагина, Г.Г. Почепцов и многие другие. Они сосредотачивают своё внимание на общественном характере символизма и указывают на то, что символ является базисным элементом для строительства социокультурного кода. В нашу задачу не входит подобное рассмотрение этих концепции — мы просто отметили наличие интереса, который проявляется в современной российской науке по отношению к роли символа в социальной жизни.

Теперь мы можем выделить функции, которые выполняют символы в коллективном поведении, а именно:

1. Функция формирования коллективного поведения. Набор общих значений делает отдельных индивидов субъектами взаимодействия.
2. Функция идентификации и самоидентификации. Участники коллективного поведения с помощью символов идентифицируют себя с какой-то группой и отделяют свою группу от другой.

3. Функция формирования «мы-сознания». Коллективное сознание — специфическое образование, возникающее в процессе создания или разрушения общезначимых символов.

4. Функция координации действий. С помощью символов выделяется лидер группы; вокруг символов организована групповая иерархия. Символы задают алгоритмы поведения.

5. Функция манипуляции сознанием. Становясь участниками коллективного поведения, субъекты становятся более восприимчивыми к внешним воздействиям, а символы — это инструменты и орудия действия.

Конечно, этими функциями не ограничивается роль символов в коллективном поведении. В данной статье мы лишь наметили пунктирную линию, очерчивающую круг вопросов, связанных с этой темой; мы как бы говорим: «Да, роль символов в коллективном поведении действительно велика». На наш взгляд, разработка данной тематики в эпоху масс-медиа, публик релейшенз и манипулирования массовым сознанием является действительно перспективной не только для социальной философии, но и смежных с ней гуманитарных дисциплин.

Список литературы:

1. Блумер Г. Коллективное поведение. // Американская социологическая мысль: тексты. М.: МГУ, 1994, — С. 168—215.
2. Зелинский С.А. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. Средства массовой коммуникации, информации и пропаганды — как проводник манипулятивных методик воздействия на подсознание и моделирования поступков индивида и масс. СПб.: Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2008. — 407 с.
3. Кобб Роджер У., Элдер Чарльз. Использование символов в политике // Политическая лингвистика. — 2009. — Вып 3 (29). — С. 131—145.
4. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Терра-Кн. клуб, 2008. — 271 с.
5. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. — С. 175—231.
6. Сорокин П.А. Символы в общественной жизни // Миниатюрная библиотека «Наука и жизнь». — 1913. — № 32. — 52 с.
7. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1998. — 688 с.
8. Степнова Л.А. Социальная символика России // Социс. — 1998. — № 7. — С. 90—99.

9. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова. СПб.: Наука, 2000. — 380 с.
10. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. И англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — С. 456—530.
11. Юнг К.Г. Человек и его символы. М: Серебряные нити, 1997. — 368 с.

3.2. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

БОЛЬШАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ И «ОСЬ ИСТОРИИ» В ДОМОСКОВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Бедаев Александр Иванович

аспирант кафедры философии

Астраханского государственного университета,

РФ, г. Астрахань

E-mail: sascha.bolgow2012@yandex.ru

GREAT ESCHATOLOGY AND THE “AXIS OF HISTORY” IN PRE-MUSCOVITE RUSSIA AND MUSCOVITE RUSSIA: EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH

Bedaev Aleksandr

post-graduate student of Chair of Philosophy, Astrakhan State University,

Russia, Astrakhan

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается связь большой эсхатологии и представления о месте прохождения «оси истории» в эпоху домосковской и Московской Руси. На основании сравнительно-исторического анализа в статье отстаивается мысль о том, что эсхатологические ожидания, бывшие на Руси, во многом были связаны с событиями своей собственной истории, и так называемую «ось истории» должно усматривать не отдельно — в Византии или на Руси, а в таком наднациональном и надгосударственном семиотическом поле как «Православная земля».

ABSTRACT

The article considers the link between great eschatology and the idea of the place where the “axis of history” was passing in the epoch of pre-Muscovite and Muscovite Russia. On the basis of comparative historical analysis the author of the article advocates the idea that eschatological anticipations existing in Russia were to a large extent related with the events of its history and the so-called “axis of history” should be searched for not

separately — in Byzantine Empire or in Russia, but in the supranational and super-governmental semiotic field “Orthodox land”.

Ключевые слова: Святая Русь; Третий Рим; эсхатология; ось истории.

Keywords: Holly Russia; Third Rome; eschatology; axis of history.

Традиционно, эсхатология Московской Руси связывается исследователями с перемещением оси истории в связи с падением Византии в XV в. в духовном (апостасия) и политическом плане (взятие Константинополя турками в 1453 г.). Именно с этого времени (XV в.), как полагает большинство исследователей, ось истории в восприятии русских людей переместилась с Византии на Русь. Вместе с тем, восприятие эсхатологии в Киевской Руси, по мнению ряда исследователей, было «календарным», т. е. *parousia* связывалась не столько с событиями собственной истории, сколько в связи с конкретной датой, производимой русскими книжниками от пророчеств Мефодия Патарского, Иеремии и иных. Однако, современные исследователи с такой позицией часто не соглашаются. В настоящей статье мы постараемся рассмотреть отношение русских книжников к событиям собственной истории и определить, где, по их мнению, должна была проходить «ось истории». Поскольку русское средневековое христианское мышление было ориентировано на грядущий конец времён, что увязывалось с падением в вере, принципиальным в решении проблемы о центре мира и оси истории становится вопрос — окончание чьей истории может оказаться окончанием истории мировой. Таким образом, вопрос о том, где совершается подлинная история, напрямую должен связываться с большой эсхатологией. Исходя из этих соображений, в настоящей статье мы постараемся рассмотреть, в чьей истории усматривались причины конца времён в домосковской и Московской Руси.

Как мы уже говорили, ряд исследователей полагает, что эсхатология Киевской Руси носила «календарный» характер и с событиями своей — русской истории никак не увязывалась. Так, например, В.В. Мильков заявляет, что «...наши книжники ни запустение времён половецких погромов, ни ужасающие последствия татарского разорения не поставили в связь с предзнаменованиями грядущего светопреставления» [10, с. 99]. Центральной датой такого восприятия конца времён мыслится 1492 г., как год окончания седьмого тысячелетия от сотворения мира.

Однако, исследования В.Я. Петрухина, А.И. Алексева, И.Н. Данилевского позволяют говорить, что отмечаемые В.В. Мильковым события, вполне связывались с эсхатологическими ожиданиями и сами эти ожидания одним лишь 1492 г. не исчерпывались. Так, А.И. Алексеев и А.А. Романова предполагают, что 1092 и 1192 гг. могли быть временами ожидания на Руси конца света. А.А. Гиппиус полагает, что конец времён мог ожидаться в 1292 и 1392 гг. А в начале XIII в. Авраамием Смоленским была произнесена проповедь, пронизанная апокалиптическим настроением. Тогда же, — в начале XIII в. взятие Киева Рюриком Ростиславичем было описано в апокалиптическом духе. И.Н. Данилевский полагает, что взятие Константинополя крестоносцами в 1204 г. могло быть истолковано на Руси как приход в мир Антихриста. А описывая монголо-татарское нашествие на Русь, летописи обращаются к пророчествам Мефодия Патарского об окончании времён. Неслучайно поэтому А.В. Карташёв даже называет сознание человека этого времени полуапокалиптическим [7, с. 138]. Таким образом, как показывают современные исследования, эти эсхатологические ожидания связывались в сознании летописца с событиями именно русской, а не византийской, точнее, не только византийской истории. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые ось истории помещают в Византию в Киевский период и на Русь — в период Московский. На наш взгляд, здесь следует говорить о помещении оси истории в Православную землю, без деления её на Византию и Русь. При этом, совсем не важно, что христианизация Руси оказалась растянутой на продолжительный срок — здесь главной является мысль, что Русь, получив крещение, просветившись светом православной веры, стала ни много, ни мало, Святой Русью.

А.И. Алексеев в своей монографии «Под знаком конца времён» [2] прекрасно показывает, что для Руси Киевского периода был характерен особый религиозный оптимизм. Именно благодаря этому оптимизму были крещены останки князей Олега и Ярополка Святославичей, а 24 литургии, прослушанные в течение 2-х лет родственниками усопшего и отдание ими 100 поклонов, оказывались достаточным для того, чтобы считать умершего христианином. На этом фоне нас не должно удивлять, что при всём несовершенстве духовной жизни на Руси, отмечаемом Г.П. Федотовым, Русь мыслила себя святою и центр истории относил к себе равно или почти равно, как и к Византии. Разумеется, Константинополь, исполненный христианских святынь, пленял воображение русских, однако, весьма рано константинопольская градостроительная семантика, восходящая

к образу Иерусалима, была использована на Руси в градостроительстве Киева и других русских городов, создавая образ Святой Руси.

Особо следует сказать о контаминациях из «Книги Пророков», использовавшихся для определения своего места в мировой истории в византийской и русской литературной традициях [5, с. 154—159]. Так, в византийских источниках имеются обращения к образу апокалиптического народа «Рос» (по Иеремии) или «Гог» из страны «Магог» (по Иезекиилю). Причём, под этим народом греки понимали русский народ. Любопытно, что при описании половецких набегов и монголо-татарского нашествия на Русь русскими летописями использованы образ того же апокалиптического народа «Гог», а также пророчества о конце времён Мефодия Патарского, только уже применительно к монголо-татарам. Таким образом, и византийская, и русская литературная традиции выстраивали позицию своей страны в идейно-историческом пространстве. Здесь, как видим, со стороны русских книжников нет никакого противопоставления Руси и Византии, зато есть некая традиция позиционирования себя православным народом, унаследованная из Византии. Поэтому, как нам кажется, нельзя ставить чёткую границу в плане определения центра мировой истории в системе отношений «Византия-Русь».

С.Н. Булгаков вложил в уста одного своего литературного героя («Беженца») слова о «злых чарах», постигших русскую историю и чары эти — «Греко-российство», в котором сначала жирными буквами печаталась первая часть: «Греко», а мелкими «российство», а затем стало наоборот: крупно — «Российство» и мелко — «греко». А суть та, что Церковь Вселенская, или католическая, есть *только Греческая или только Росийская Церковь*» (курсив наш — А.Б) [4]. В этих словах мыслителя устанавливается весьма неверная схема отношений между Византией и Русью. Как ученики и духовные дети греков, русские должны были понимать своё место в отношении к греческой церкви и, по-видимому, это хорошо осознавалось нашими предками. Однако, благодать, воспринятая Русью через христианскую веру, не могла рассматриваться как меньшая или опосредованно нисходящая на неё через Византию. Это последнее могло пониматься только в плане *исторического* заимствования, но, ни в коем случае *не мистического*. Это «Российство» в плане понимания центра мировой истории не возникло на пустом месте — из одного только «Греко», а произошло из системы «Греко-Российство» («Российство» также с большой буквы, как и «Греко») или, говоря иначе — из представлений о Православной земле, что то же — Святой Руси (о близости понятий «Святая Русь» и «Православная земля»)

или «Православный мир» см.: Дмитриев М.В. Доклад на межсессионном семинаре 2008 г. «Христианство, ислам, иудаизм и протонациональные и национальные дискурсы в истории Европы (Средние века — XIX в.)» [6]. Вот почему апостасия Второго Рима — Константинополя, смогла вызвать к жизни идею Москвы, как преемницы Константинополя уже в XV в. («Слово Симеона Суздальца», «Пасхалия» митрополита Зосимы, «Послание на Угру» Вассиана Ростовского, «Послание» митрополита Ионы 1448 г.). Идеи, высказанные иноком псковского Спасо-Елеазарова монастыря, хотя и были сформулированы в XVI в., имели долгую предысторию, в том числе и на своей — русской почве. Как полагает Д. Стремоухов, истоки этих идей лежат уже в Киевской Руси [12].

Эпоха Московской Руси, можно сказать, имела два сложных периода ожидания Второго пришествия. Эти периоды суть — «календарная» дата конца света (по В.В. Милькову) — 1492 г., знаменовавшая конец седьмого тысячелетия от сотворения мира и 1666—1667 г., бывшие временем позорного собора, осудившего всё русское благочестие дониконовского времени. Однако, как отмечает С.А. Зеньковский, уже до печально знаменитого раскола Русской церкви, переходя с места на место, совершала свой подвиг покаяния братия отшельников, возглавляемая старцем Капитоном. И если учение жидовствующих могло связываться с «календарной» датой (1492 г.), как полагает А.И. Алексеев [3], то учение старца Капитона имело место быть самостоятельным, в связи с несовершенствами в русской жизни, в первую очередь, видимо, в связи с постепенным обмирщением сознания на Руси. Напомним, что учение Капитона предварило в русской истории тенденцию непризнания православности русского духовенства, что оказалось близким, возникшим впоследствии, старообрядческим представлениям о конце света.

Наконец, как отмечает А. Корневский [8], осваивая огромное пространство от Оки до Онеги, населённое многочисленными финно-угорскими племенами, и одновременно осуществляя свою прозелитическую деятельность, русские миссионеры, создавали новое этнокультурное пространство. А после монголо-татарского нашествия и окончания ордынского ига и тем более после побед Ивана Грозного над татарами, Русь, по мнению С.С. Аверинцева, могла воспринимать себя уже как совершенно особый, отличный от византийского мира, но также — «сама себе мир» [1]. Вкупе с событиями политической истории (падение Византии в веру и захват Константинополя турками на фоне возвысившегося Московского княжества) эти обстоятельства могли лишь укрепить скромного псковского инока заявить, что отныне

«...вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчскимъ книгамъ то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти. Многажды и апостоль Павелъ поминает Рима в посланиих, в толковании глаголет: Рим весь миръ» [11, с. 345]. Таким образом, не ось истории переместилась на Русь, говорит Филофей, просто сам «мир» стал *уже* — в одном лишь царстве «государя нашего». Как замечает Н.Н. Лисовой, в то время как на берегах Босфора Византии как «царства-мира» «становилось всё меньше» [9, с. 74], на Руси его «становилось всё больше» [9, с. 74]. И лишь пройдя сложный путь переживаний и сомнений, возникло то, что С.Н. Булгаков назвал «Российством» с большой буквы.

Таким образом, как мы видели, эсхатологические ожидания и в домосковской, и в Московской Руси связывались, по-видимому, как с византийской, так и с русской историей. Эта связь, очевидно, возникла из осознания русскими книжниками своей страны как Святой Руси. Вместе с тем, до апостасии Константинополя ось истории, вероятно, проводилась ими в том семиотическом пространстве, которое можно назвать Православной землёй, охватывающей пределы тех царств и народов, где Православие становилось определяющим кодом культуры. Флорентийская уния и изменение внешнеполитической обстановки в XV—XVI вв. заставили русских книжников исключить Византию из семиотики православной культуры, что сделало Русь единственно ответственной за всю мировую историю. Как видим, речь здесь должна идти не о *перенесении* оси истории, а лишь о *сужении* исторически значимого пространства.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Статья первая. Наследие великой державы // Два типа духовности [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://royallib.com/read/averintsev_servey/vizantiya_i_rus_dva_tipa_duhovnosti.html#0 (Дата обращения: 6.02.2015).
2. Алексеев А.И. Под знаком конца времён. Очерки русской религиозности конца XIV — начала XVI вв. СПб.: Алетей, 2002. — 352 с.
3. Алексеев А.И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М.: «Индрик», 2012. — 560 с.
4. Булгаков С.Н. У стен Херсониса [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.vehi.net/bulgakov/hersones.html> (Дата обращения: 6.02.2015).

5. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / Институт всеобщей истории РАН. М.: Аспект–Пресс, 2004. — 370 с.
6. Дмитриев М.В. Доклад на межсессионном семинаре 2008 г. «Христианство, ислам, иудаизм и протонациональные и национальные дискурсы в истории Европы (Средние века — XIX в.)» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/rus_israel.htm (Дата обращения: 6.02.2015).
7. Карташёв А.В. Судьбы Святой Руси. С. 134—154. // Церковь. История. Россия. / Статьи и выступления. Ред.-сост. А. Кырлежев. М.: Издательство «ПРОБЕЛ», 1996. — 304 с.
8. Корневский А. «Новый Израиль» и «Святая Русь»: этноконфессиональные и социокультурные аспекты средневековой русской ереси жидовствующих // Ab Imperio, — 2001 — № 3, — с. 123—142.
9. Лисовой Н.Н. «Святой Диоклетиан»: святость власти и Империи в римско-константинопольско-московской парадигме. С. 62—81. // Проблема святых и святости в истории России / [отв. ред. А.Н. Сахаров, П. Каталано]; Ин-т российской истории РАН. М.: Наука, 2006. — 274 с.
10. Мильков В.В. Осмысление истории в Древней Руси. СПб.: Алетейя, 2000. — 384 с.
11. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV—XVI вв.) М.: Издательство «Индрик», 1998. — 416 с.
12. Стремоухов Д. Москва-Третий Рим: источники доктрины, с. 425—442 // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / Сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. М.: Языки русской культуры, 2002. — 944 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ В МЕДИЦИНЕ

Ерохин Сергей Александрович

*ассистент кафедры философии и социальных наук
Волжской государственной академии водного транспорта,
РФ, г. Нижний Новгород
E-mail: film-motorship@mail.ru*

THE PROBLEM OF SOCIAL TRUST IN MEDICINE

Erokhin Sergey

*assistant of philosophy and social sciences department
of Volga state academy of water transport,
Russia, Nizhny Novgorod*

АННОТАЦИЯ

Уровень социального доверия в обществе и количество дефектов оказания медицинской помощи во многом зависят от качества образования в медицинских вузах. Решить эту проблему можно в процессе профессиональной подготовки студентов-медиков посредством гуманизации и гуманитаризации образования и благодаря дальнейшему улучшению работы службы менеджмента качества в лечебно-профилактических учреждениях страны.

ABSTRACT

The level of social trust in the society and the quantity of faults while providing medical assistance greatly depend on the quality of education in medical higher educational establishments. It is possible to settle the problem in the process of medical students' professional training by means of humanization and humanitarian efforts in the education and due to further improvement of work of quality management service in medioprohylactic institutions of the country.

Ключевые слова: дефекты; обращения граждан; социальное доверие; компетенции; врачебный менталитет; качество медицинских услуг; социализация; гуманизация.

Keywords: faults; citizens' addresses; social trust; competences; medical mentality; quality of medical services; socialization; humanization.

В последние годы в России значительно увеличилось количество обращений граждан в вышестоящие инстанции с жалобами на качество оказания медицинской помощи. Это свидетельствует о неудовлетворенности россиян оказанными медицинскими услугами. «Современное общество диктует новые требования к личности, в которой должны гармонично сочетаться: высокая квалификация, виртуозное владение техникой, должный уровень компетентности в своей специальности в сочетании с социальной ответственностью и нравственными общечеловеческими ценностями» [1, с. 102].

Издавна уровень доверия пациента к врачу являлся важным критерием оценки эффективности их «терапевтического сотрудничества». Автономию пациента нарушать нельзя, но и ответственность с человека, обратившегося за помощью в ЛПУ, снимать тоже не следует: «Современное российское законодательство обеспечивает охрану здоровья россиян до тех пор, пока сами граждане РФ рационально и бережно относятся к своей жизни и собственному здоровью. На эффективность «терапевтического сотрудничества» оказывает влияние степень преобладания у пациента рационального или мифологического мышления» [7, с. 77].

Государство и гражданское общество пытаются найти пути решения проблемы преодоления невежества в профессиональной деятельности медицинских работников и наставить их на путь духовно-нравственного совершенствования личности. В индивидуальном плане некомпетентность медицинского работника может квалифицироваться как невежество, а в общекультурном — как идеология антигуманизма, влекущая за собой рост числа «врачебных ошибок». Преодоление невежества выражается в вечной борьбе Добра со Злом, воплощенной в этико-правовых и социокультурных трансформациях социума [3, с. 83].

Работа с обращениями граждан в современном обществе может быть названа как борьба «добра» со «злом», как путь быстрого реагирования на социально-экономические проблемы общества. Вечны не «добро» и «зло» сами по себе, но вечно их противоборство. В Добре воплощается прогрессивная линия развития общества, Зло же является тупиковой ветвью, ведущей к регрессу [16]. Несомненно, «государство может и должно бороться с невежеством путем рационализации основных сфер жизнедеятельности общества — науки, образования и здравоохранения» [8, с. 61].

По данным Управления Президента РФ, исходя из тематики обращения граждан за 2012 год, в первой пятерке часто задаваемых вопросов были: 1) жалобы на работу медучреждений и медработников, 2) вопросы лекарственного обеспечения, 3) вопросы лечения и оказания медицинской помощи, 4) помещение в больницы и специализированные учреждения, 5) работа государственного и муниципального здравоохранения. Примерно эти же вопросы лидировали в рейтинге Управления и в 2013—2014 гг. больше всего обращений граждан туда поступает из г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Московской обл., Краснодарского края, Ростовской обл. Подробнее об этом можно прочесть в разделе «Обзоры обращений» на сайте Президента РФ [13].

Проведенные соцопросы респондентов указывают, что большинства проблем, изложенных в жалобах, можно было избежать при условии отлаженной работы системы менеджмента качества на местах — в ЛПУ. Безусловно, готовых рецептов для профилактики дефектов качества медицинской помощи нет: «В процессе работы по улучшению качества оказания медицинских услуг населению важна роль высшего руководства организации, что проявляется в его понимании необходимости постоянного мониторинга процессов, анализа проблем, поиска путей выхода из сложившейся ситуации, определения корректирующих действий и вектора дальнейшего развития ЛПУ» [4].

В ходе реализации международных стандартов прав человека актуализируется проблема гуманизации педпроцесса медицинского вуза: «Поскольку прогресс науки и техники опережает этико-правовое осмысление рисков, связанных с применением новых технологий, то внутренний самоконтроль участников инновационной деятельности приобретает первостепенную роль» [2, с. 199]. От нравственных императивов ученых и медицинских работников многое зависит в этом мире, ведь в центре их внимания находится человек.

Духовно-нравственное воспитание студентов-медиков включает в себя выработку врачебного менталитета через формирование: нравственных чувств, нравственного облика, нравственной позиции и нравственного поведения. «Врачебная ментальность — не врожденный феномен, а социально приобретенный, поэтому в медицинских и фармацевтических вузах гуманизации педпроцесса следует уделять должное внимание» [5].

Гуманитаризация высшего медицинского образования ставит своей целью «формирование нравственно и духовно развитого человека — будущего специалиста, вне зависимости от его национальной и культурной принадлежности, готового и способного гармонично сочетать образованность, профессионализм, духовность,

нравственную воспитанность; это процесс, направленный на усвоение личностью гуманитарного знания, гуманитарной культуры, гуманитарного потенциала медицины» [18, с. 112].

Формирование профессиональной культуры медицинских работников в педпроцессе вуза подразумевает создание условий для социализации личности студентов-медиков, при которых будет учитываться воспитательный потенциал преподаваемых учебных дисциплин в аудиторное и внеаудиторное время [11]. Включение в педпроцесс медицинского вуза регионального компонента способствует развитию патриотических чувств, гражданско-правовой активности и ответственности у молодежи. Подробно об этом изложено в ряде опубликованных работ [6; 9; 12; 14; 15]. Важная роль в процессе совместного обучения российских и иностранных студентов в медицинском вузе отводится межкультурному диалогу [10, с. 379], что способствует их профессиональной идентификации, как членов медицинского сообщества.

Критерием оценки качества медицинского образования по ФГОС-3 выступает компетентностный подход, в рамках которого профессиональная компетентность понимается как интегральная характеристика специалиста, отражающая его способность решать профессиональные задачи и принимать ответственные решения, исходя из собственных знаний, жизненного опыта и сформировавшихся ценностных ориентаций [17, с. 202].

В этой связи можно отметить, что уровень социального доверия в обществе и количество дефектов оказания медицинской помощи во многом зависят от качества образования в медицинских вузах. Решить эту проблему можно в процессе профессиональной подготовки студентов-медиков посредством гуманизации и гуманитаризации образования и благодаря дальнейшему улучшению работы службы менеджмента качества в ЛПУ страны.

Список литературы:

1. Агеева Н.А. Биоэтика как новое синтетическое направление современной науки // Гуманитарные и социальные науки. — 2012. — № 6. — С. 100—108.
2. Агеева Н.А. Биоэтическое измерение инновационной деятельности // Инновации в науке. — 2013. — № 28. — С. 199—203.
3. Агеева Н.А. Биоэтическое измерение понятий «добро» и «зло», «польза» и «вред» в контексте медицинской деятельности // Современная медицина: актуальные вопросы. — 2014. — № 31. — С. 83—88.

4. Агеева Н.А. Дефекты оказания медицинской помощи: проблемы и пути решения // *Universum: Медицина и фармакология*. — 2014. — № 6 (7). — С. 2.
5. Агеева Н.А. Менталитет врача в контексте гуманизации высшего образования // *Universum: Медицина и фармакология*. — 2014. — № 4 (5). — С. 5.
6. Агеева Н.А. Региональный компонент образования как эффективное средство социализации личности студентов российских вузов // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. — 2014. — № 38. — С. 37—42.
7. Агеева Н.А. Эффективность терапевтического сотрудничества врача и пациента в контексте рационального и мифологического мышления // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2013. — № 5. — С. 69—77.
8. Гетманова С.Л. Парные понятия «добро» и «зло», «польза» и «вред», «правда» и «ложь» в контексте медицинской деятельности // *Гуманитарные науки в XXI веке*. — 2014. — № XXI. — С. 57—62.
9. Иващенко А.П., Шаповал Г.Н. Проблема этнической идентичности в свете гуманизации педпроцесса в медицинском вузе // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. — 2014. — № 41—42. — С. 101—106.
10. Камалова О.Н., Шаповал Г.Н. К вопросу о нравственном воспитании российских и иностранных студентов, обучающихся вместе // *Гуманитарные и социальные науки*. — 2014. — № 2. — С. 378—381.
11. Крамская С.В. Актуальные вопросы гуманизации и гуманитаризации высшего образования // *Экономические и гуманитарные исследования регионов*. — 2014. — № 6. — С. 5—9.
12. Крамская С.В. Роль регионального компонента образования в процессе социализации студентов-медиков // *Гуманитарные науки в XXI веке*. — 2014. — № XXI. — С. 94—99.
13. Обзоры обращений / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://letters.kremlin.ru/digests> (дата обращения 27.01.2015).
14. Шаповал Г.Н. Воспитание гражданских качеств в ходе становления гражданско-правовой активности студентов-медиков // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. — 2014. — № 40. — С. 53—58.
15. Шаповал Г.Н. Личность преподавателя как главного ретранслятора культурных и социальных норм при обучении иностранных студентов // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. — 2013. — № 32. — С. 49—54.
16. Шаповал Г.Н. Образы зла в художественной культуре: Дис. ... канд. филос. наук: Ростов-н/Д., 2002. — 166 с.

17. Шаповал Г.Н. «О понятии профессиональная компетентность» в современной педагогической науке // Успехи современного естествознания. — 2011. — № 8. — С. 201—202.
18. Шаповал Г.Н. Соотношение компетентностного подхода и качества образования в процессе инкультурации иностранных студентов// Экономические и гуманитарные исследования регионов. — 2010. — № 2. — С. 106—117.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ВСЕОБЩЕЕ РАВЕНСТВО И БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В СССР

Шаяхметова Венера Рюзальевна

*канд. ист. наук, доцент кафедры общей отечественной истории
ФГОУ ВПО «Пермский государственный
национально- исследовательский университет»,*

РФ, г. Пермь

E-mail: perm_venera.sem@mail.ru

THE EQUALITY AND POVERTY IN THE USSR

Shayakhmetova Venera

*candidate of historical Sciences, associate Professor total domestic history
of Perm state national-research University,
Russia, Perm*

АННОТАЦИЯ

В СССР распространялся миф о ликвидации бедности населения в условиях социализма, признавались только единичные случаи малообеспеченности.

Глубина экономического кризиса второй половины 80-х годов XX века требовала коренного пересмотра концепции социальной защиты. Выбирая между вариантами сохранения всеобщего социального равенства и освобождением частной инициативы правительство сделало выбор в пользу первого, учитывая настроения большей части населения.

ABSTRACT

In the USSR spread the myth about the elimination of poverty in the conditions of socialism. In the USSR was recognized cases of poverty only.

The depth of the economic crisis in the second half of the 80-s of XX century demanded a radical revision of the concept of social protection. There were two options out of the crisis: sustaining universal social equality and the liberation of private initiative. The government has made a choice in favor of the first, given the mood of the majority of population.

Ключевые слова: благосостояние; социальное равенство; бедность населения.

Keywords: welfare; social equality; poverty of the population.

В Советском Союзе факт существования бедности населения не признавался. Считалось, что обеспечение «разумных» потребностей населения при социализме уже достигнуто, сохраняются единичные случаи «малообеспеченности» отдельных граждан, не имеющих признаваемого минимума потребления.

Резкий разрыв между общественными ожиданиями и возможностями государства, между достигнутым уровнем производства и общественными потребностями, между платежеспособным спросом и материальным покрытием становится в 80-е гг. проявлением общего неблагополучия. Уровень социальной дифференциации увеличивался, переходя границу социального равновесия. При сокращении прежних экономических возможностей государства сохранение избыточного круга социальных льгот и привилегий было не только экономически нецелесообразным, но и невозможным. Глубина кризиса требовала коренного пересмотра концепции социальной защиты.

К моменту прихода М.С. Горбачева к власти по официальной статистике к 1985 г. 16 % семей рабочих и служащих и 39 % колхозников имели доходы ниже прожиточного минимума [7]. Наличие двух и более детей или иждивенцев усугубляло необеспеченность семьи. Сохранялась уравнительность в оплате труда, в назначении пенсионных выплат и социальных трансфертов. Уравнительность лишала граждан инициативы, стремления более эффективно и качественно трудиться, попирала главные принципы советской социальной политики — принципы равенства и свободного развития личности. Оплата труда в СССР не носила стимулирующего характера, не зависела от величины и полезности трудового вклада.

Идеология всеобщей уравнительности в 80-е гг. привела к неразвитости материальных и духовных потребностей широких групп населения. Результаты социологического опроса 1989 г. показали заниженный уровень притязаний советских граждан. Респонденты (рабочие и служащие низших рангов) в качестве желаемой планки заработной платы указали сумму 200—300 руб. при среднемесячном заработке в промышленности 219,8 руб. [1, с. 94] Столь невысокие запросы советских граждан объясняются не только всеобщим товарным дефицитом, но кажущейся бесплатностью основного круга социальных благ и политикой государственного патернализма.

Центр тяжести регулирования заработной платы и других доходов населения в СССР всегда находился под контролем государства. Основные параметры и порядок начисления данных доходов населения определялись не столько закономерностями развития плановой экономики, сколько идеологическими соображениями. Совет Министров СССР централизованно формировал и проводил политику оплаты труда в рамках принципов социального единообразия и первоочередной поддержки трудящихся.

Номинальный размер среднемесячной заработной платы за период с 1980 по 1985 гг. вырос на 15—20 %; незначительный прирост на 6,0—19,1 руб. наблюдался в сферах здравоохранения и образования [6, с. 93]. Феномен инверсии в оплате физического и интеллектуального труда предполагалось ликвидировать не за счет роста реальной заработной платы бюджетников, а благодаря увеличению выплат из общественных фондов потребления. Ставилась задача увеличить объемы ОФП к 1990 г. до 180 млрд. руб., чтобы в расчете на душу населения ежегодные выплаты составляли 635 руб. [3, с. 46].

Несмотря на присутствие значительного количества населения, живущего с доходами ниже общепринятого минимума потребления или на его границе, массовой бедности в СССР не наблюдалось. На улицах не ночевали лица без определенного места жительства, не ходили инвалиды или матери с детьми на руках с протянутой для милостыни рукой. Государство гарантировало для всех граждан защиту от малообеспеченности (читай: бедности) путем поддержания всеобщей занятости, установлением минимального размера пенсии и заработной платы на уровне прожиточного минимума.

Расчет прожиточного минимума состоял в том, чтобы определить список продуктов, товаров и услуг, включаемых в минимальную потребительскую корзину. Эти расчеты становились базой для плана производства дешевых и доступных товаров и услуг первой

необходимости. Кроме того, в СССР относительно низкие цены на жилье, транспорт и иные услуги фактически уравнивали людей с низкими и с высокими доходами по фундаментальным показателям образа жизни. Эти цены и не давали возможности советскому гражданину упасть на социальное дно. Некоторые исследователи не без оснований утверждают, что советское общество было «обществом среднего класса».

Наряду с гарантированным материальным обеспечением одним из проявлений советской модели социальной политики являлось предоставление всему населению бесплатной медицинской помощи. В СССР функционировала разветвленная сеть государственных лечебных учреждений, предметом гордости советской медицины являлись показатели численности советских врачей; в расчете на 10 тыс. человек населения их было в 2 раза больше, чем в странах Западной Европы и в 1,7 раза больше, чем в США. В 1985—1988 гг. мощность амбулаторно-поликлинических учреждений (т.е. число врачебных приемов в смену) в СССР составляла 175,0—184,2 раз [5, с. 68] Но при этом каждая пятая койка не обеспечивалась холодной водой, 30 % лечебных учреждений в сельской местности и в районах проживания малых народов не имели водопровода и канализации [6, с. 246].

Руководители партии и правительства осознавали возрастающие масштабы социального недовольства населения, утверждая, что «...задача повышения благосостояния народа окажется невыполненной, если мы не сумеем насытить рынок разнообразными товарами и услугами» [3, с. 47]. Товарный дефицит привел к широкому распространению спекуляции среди лиц, близких к торговой, либо распределительной системе. Принимаемые правительством программы планировали такие темпы роста сельскохозяйственного производства и пищевой отрасли, которые должны увеличить уровень душевого потребления продуктов питания и качество выпускаемой продукции.

Структура потребления советских граждан не отвечала требованиям нормального физиологического функционирования, которые были разработаны Всемирной организацией здравоохранения. При сравнении рационов питания среднестатистических семей в США и в СССР выявляется преобладание калорийно неполноценных продуктов в структуре потребления советских граждан, в основном, хлеба, картофеля и макаронных изделий. Ежегодное потребление мяса в США в расчете на одного человека составляло 123 кг, а в СССР — только 68 кг; растительного подсолнечного масла соответственно 22,4 и 10,1 литров; овощей — 126 и 101 кг; хлеба и макаронных

изделий — 97 и 124 кг. [6, с. 136, 179]. В рационе советской среднестатистической семьи отмечалось существенное недопотребление физиологически необходимых продуктов питания (рыба, мясо, овощи, фрукты). В семьях с низким доходом (с двумя и более детьми) потребление продуктов питания и промышленных товаров было в 2—3 раза меньше необходимого [6, с. 137].

До начала 90-х гг. оплата коммунальных услуг «съедала» только 4—5 % семейного бюджета. Разница между реальной стоимостью содержания жилого фонда и номинальным уровнем ставки погашалась дотациями из государственного бюджета, ежегодно увеличиваясь на 300—400 млн. руб. [4, с. 247]. При введении реальной оплаты найма жилья и коммунальных услуг уровень социальной и имущественной дифференциации в СССР мог вырасти, но государство пыталось предоставить населению гарантии равного доступа к социальным благам, минуя денежную форму приобретения жилья посредством его распределения и сохранения низких ставок квартплаты.

Но уровень экономического развития СССР не позволял обеспечить каждому гражданину равный доступ к жилью. Дефицитность жилья заставляла постоянно расширять круг льгот, привилегий, при этом принцип социальной справедливости, как обязательный атрибут социально ориентированной экономики в СССР, зачастую подменялся другими соображениями. Появился особый вид «жилищной нужды». В 1989 г. в результате опроса 32,9 % семьи указали 5—10 лет в качестве срока ожидания в «квартирной очереди», а 17,5 % семей — свыше 10 лет [6, с. 202]. Наряду с комфортабельным жильем продолжал широко эксплуатироваться фонд коммунальных квартир, барачных, аварийного жилья. В общежитиях более 25 % граждан стали считаться постоянными жильцами, поскольку проживали в них до 10 и более лет [7, с. 260]. Бараки, строившиеся в послевоенное время как временное пристанище, становились источником криминальной среды и девиантного поведения населения.

В 1987 г. М.С. Горбачев признавал, что в СССР не решены многие социальные проблемы (в т. ч. — продовольственная, жилищная), иррационально используются имеющиеся ресурсы: «... общество не смогло полностью реализовать возможности социализма в удовлетворении растущих потребностей» [2, с. 15]. В подобной ситуации с острой необходимостью вставал вопрос выбора дальнейшего пути развития; либо продолжение перестройки как социально-экономической революции, ориентированной на создание «нормального» социализма, либо становление механизмов рыночной экономики.

Выбирая между вариантами сохранения всеобщего социального равенства (в действительности — весьма относительного) и освобождением частной инициативы правительство сделало выбор в пользу первого, учитывая умонастроения большей части населения. Отмечавшееся упорное социально-психологическое неприятие капитализма в любых формах и проявлениях доказывало склонность советских граждан к сохранению основных элементов советской социальной системы. При этом разрастающийся экономический кризис и снижение уровня жизни большая часть населения рассматривала как некоторые негативные результаты перестроечных реформ. Уравнительность как извращенная форма неверно понимаемого социального равенства казалась населению менее страшной, чем все атрибуты капиталистического общества (безработица, ответственность индивида за собственное социальное обеспечение, платность социальных услуг и др.).

Список литературы:

1. Бабаева Л.В., Дмитриев А.В. Социальная справедливость в зеркале общественного мнения. М., Знание, 1989.
2. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М., Политиздат, 1988.
3. Материалы XXVII съезда КПСС. М., Политиздат, 1986.
4. Микульский К.Н. и др. Социальная политика КПСС. М., Политиздат, 1987.
5. Простяков И.И., Уваров Ю.В. Двенадцатая пятилетка. Темпы, пропорции, социальная политика. М., Финансы и статистика, 1986.
6. Социальное развитие СССР. Стат. сб. М., Финансы и статистика, 1990.
7. Социально-экономическое положение России. М., Госкомстат РФ, 2002.

4.2. ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ

ПРЕБЫВАНИЕ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В П. БЕЛОУСОВКА ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Аверкина Светлана Аркадиевна

*учитель истории высшей категории коммунального государственного
учреждения «Белусовская средняя школа № 1»,
Республика Казахстан, пос. Белоусовка, Глубоковского района,
Восточно-Казахстанской области
E-mail: averkinas@inbox.ru*

PRESENCE OF JAPANESE PRISONERS OF WAR IN BELOUSOVKA VILLAGE IN EAST KAZAKHSTAN REGION

Averkina Svetlana

*history teacher of the highest grade in municipal state institution
“Secondary school of Belousovka № 1”,
Republic of Kazakhstan, Belousovka village, Glubokovsky district,
East Kazakhstan region*

АННОТАЦИЯ

В статье на основании ранее не публиковавшихся документов рассматривается пребывание японских военнопленных на территории п. Белоусовка, Глубоковского р-на, Восточно-Казахстанской области. Проанализированы условия их содержания в лагере и использования труда на Белоусовском руднике. Рассмотрены причины смерти военнопленных и их эксгумации. Установлены фамилии и имена военнопленных, погибших в шахте.

ABSTRACT

In the paper the presence of Japanese prisoners of war in Belousovka village, Glubokovsky district, East Kazakhstan region is reviewed on the basis of previously unpublished documents. The conditions of their detention in the area and the use of them as labor force in mine of Belousovka.

Reviewed the causes of death of prisoners of war and their exhumation. Established the names of prisoners who died in the mine.

Ключевые слова: японские военнопленные; лагерь; тяжелый физический труд; захоронение; эксгумация.

Keywords: Japanese prisoners of war; camp; hard physical labor; burial; exhumation.

В Казахстане изучение истории японского плена началось в начале 90-х годов. Это было связано с подготовкой визита Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в Японию в 1994 году. Исследователи в то время получили доступ к секретным документам о судьбе японских военнопленных. Они преимущественно устанавливали места захоронений и списки умерших, позднее начали изучение пребывания японских военнопленных в определенном регионе.

Автор ставит цель рассмотреть пребывание японских военнопленных в поселке Белоусовка, Восточно-Казахстанской области. Полагая, что прав исследователь А.Л. Кузьминых, утверждающий, что «история военного плена и интернирования в СССР будет считаться изученной только в том случае, если будут выявлены особенности содержания военнопленных в различных регионах советского государства. Равным образом, история военного и послевоенного периода отдельных областей, краев и республик бывшего СССР не может быть всесторонней и объективной, если в ней не нашло отражение пребывание контингента бывших военнослужащих неприятельских армий» [10, с. 265].

Документы, в которых содержится информация о японских военнопленных, продолжают храниться под грифом «Секретно» и к ним нет свободного доступа.

Изучением японского плена в целом по Восточно-Казахстанской области занималась А.С. Жанбосинова. Она изучала материалы государственного архива Восточно-Казахстанской области закрытого фонда 462, где содержатся «материалы, которые дают возможность воссоздать картину смертности и мест захоронений военнопленных японцев. В эту группу входят следующие документы: кладбищенские книги с актами на умерших военнопленных, схемы размещения кладбищ и могил умерших, акты проверок мест захоронений и переписка МВД республики с УВД области» [8, с. 55].

Автор данной статьи обратилась к документам Восточно-Казахстанского бюро КП (б) и Белоусовского рудника периода

1945—1947 годов (фонд 824), которые есть в свободном доступе в Государственном архиве Восточно-Казахстанской области. Очевидно, органы МВД не могли предположить, что в документах промышленного предприятия есть конкретные сведения о японских военнопленных и не изъяли их для хранения с грифом «Секретно».

В Восточном Казахстане планировалось принять 9 тыс. военнопленных японцев. Первоначально прибыло 4500 пленных. Они были размещены там, где требовалась дополнительная рабочая сила: на предприятия г. Усть-Каменогорска (1200 человек), Лениногорска (2000 человек), Белоусовки (500 человек), на лесозаготовки (Ерофеевка и Бутаково) — (800 человек). Был подготовлен проект Постановления Бюро КП (б) Восточно-Казахстанской области от 5 сентября 1945 г. о строительстве в Белоусовке в срок до 1 октября пяти землянок на 500 человек [2, л. 1].

Среди документов Белоусовского рудника была обнаружена «Сводная смета по строительству лагеря Белоусовского рудоуправления» (далее «Смета», прим. автора). «Смета» была составлена в очень короткие сроки с 5 по 8 сентября 1945 г. В ее составлении участвовали четверо работников Государственного института по проектированию предприятий цветной металлургии «Гипроцветмет» [4, л. 2]. Такие сжатые сроки явно не позволяли качественно составить «Смету».

На территории п. Белоусовка было размещено лагерное отделение № 3 Управления лагерей МВД № 45. Лагерь был огорожен забором из досок сверх цоколя высотой 2,6 метров. Поверх забора была устроена проволочная трехъярусная ограда. Установлены четыре сторожевые вышки с освещением [4, л. 44, 45]. На территории зоны были построены: столовая, баня, прачечная, уборная на 20 очков. Было предусмотрено собственное водоснабжение и меры безопасности — пожарный водоем [4, л. 2].

В землянке-казарме должны были настелить пол из досок, но только в проходах между нарами. Планировалось устройство сплошных нар по столбам. Оконные проемы были устроены из коробок с двойными переплетами. Стены с внутренней стороны штукатурены глиной, наружные стены обсыпаны землей. В помещении сушилки, кладовых и умывальнях, тамбуре установлены перегородки из досок. Кровля утеплена сухой землей, соломой, толем. Для отопления и сушки одежды сложены сушильные печи [4, л. 5, 6]. Столовая лагеря — деревянное, рубленое здание с электрическим освещением, водопроводом и канализацией, печным отоплением [4, л. 22, 23]. По «Смете» предусматривалось благоустройство

территории лагеря: мощение дорог и площадок, озеленение территории с посадкой саженцев, кустарников, посевом газонов и цветов [4, л. 26, 28, 29]. Руководители предприятия должны были до поступления военнопленных завезти топливо не менее чем на двух месячный запас и предусмотреть обеспечение работающих инструментом, материалом, транспортом и технадзором [2, л. 1].

Сроки выполнения плана строительства не соблюдались. Это подтверждает срочное сообщение о выполнении плана капитальных работ и ввода их в действие в январе-декабре 1946 г., где указано, что по «строительству лагеря выполнение плана начала отчетного года по отчетному месяцу выполнено 71 %» [5, л. 40]. В связи с этим обращаем внимание на то, что для строительства землянок-казарм в Белоусовку еще в сентябре 1945 г. направили 200 человек военнопленных [2, л. 1]. Предполагаем, что военнопленные, физически и морально истощенные, не стремились и не могли интенсивно трудиться на строительстве землянок.

Ответственность по приему военнопленных перекладывалась на предприятия, где планировалось использование труда военнопленных.

Документы Восточно-Казахстанского бюро КП (б) содержат информацию, которая свидетельствует о том, что партийные организации на местах обязаны были заниматься выполнением директивы НКВД СССР № 221 «Об улучшении коммунально-бытовых условий для военнопленных японцев» [1, с. 254]. Партийная организация г. Усть-Каменогорска держала на контроле подготовку лагерей военнопленных к зиме.

В документах утверждается, что военнопленные питаются по установленной норме [3, л. 1]. Но есть основания полагать, что эта норма не соблюдалась и была недостаточной. Разоренная войной страна не имела возможности прокормить даже свое население, не говоря уже о военнопленных. Основными продуктами питания являлись овощи и картофель. В документах отмечается, что «заготовка овощей и картофеля проведена полностью. Хранение производится в овощехранилищах» (овощехранилище использовали по назначению и в последующие годы, прим. автора) [3, л. 1]. Для японских военнопленных суточная норма в рационе питания, в частности, хлеба — 350 гр., картофеля и овощей — 800 гр. [9]. Для обеспечения военнопленных хлебом на территории зоны была построена пекарня (в настоящее время это жилой дом, прим. автора).

Военнопленные жили в бараках (землянках). Дров для отопления было заготовлено не достаточно и поэтому землянки отапливались редко, потолки и стены промерзали, а ночью оттаивали, из-за чего

в землянках была сырость. Имеющиеся дрова использовали только для отопления землянок, а столовая в зимний период не отапливалась вообще и поэтому военнопленные питались в землянках. Из-за нехватки топлива пище — блоки запаздывали с приготовлением пищи. Обращаем внимание на то, что военнопленные опаздывали на работу. Причинами несвоевременного выхода на работу было то, что «сушилка работала с перебойми из-за отсутствия топлива и военнопленные могли выйти на работу только после обеда» [3, л. 1].

Кузнецов С.И., занимающийся изучением проблемы японского плена, пишет «в архивных документах предприятий японцы не упоминаются вообще, либо, в лучшем случае называются «спецконтингентом» [9]. Однако, в «Сведениях о смертельных и тяжелых несчастных случаях связанных с производством» по Белоусовскому рудоуправлению обнаруживаем, что когда фиксировался смертельный случай, то указывалось имя военнопленного, возраст, место работы, дата несчастного случая и краткое описание обстоятельств, причин смерти. Причинами тяжелых несчастных случаев со смертельным исходом были нарушения техники безопасности или обрушение руды кровли. Шесть смертельных случаев за период 1946—1947 гг. было зарегистрировано в шахте. Среди погибших в шахте был офицер Накаяма Касука, который пострадал во время разборки кровли, 15.08.1947 г. он уронил закол на себя [6, л. 18]. В результате обрушения кровли 25.04.1946 г. одновременно погибли Сато Хироси и Утино Набору. По этой же причине 18.10.1946 г. погибли Факузава Сабео и Сасозава Косиоки. При подъеме леса 18.04.1946 г. по восстающей перелез через борт в рабочее отделение и был сбит упавшей лесиной Масакун Яно [6, л. 155].

Было зарегистрировано 9 пострадавших из-за нарушений техники безопасности за 1946 — август 1947 г. Фамилия и имя военнопленных, которые пострадали в шахте, получив травму, не указывались, а ставился табельный номер, возраст, место работы, причина травмы и дата случая. Возможно, все зависело от того, кто составлял акт. Так у трех пострадавших указаны имена и фамилии — Хиросимо Тэцуе, Хан Никидо и Танака Хироси. Хиросимо Тэцуе был 21 год, работал учеником бурильщика. Он 21.07.1946 г. при бурении, попал в оставшийся заряд после отпалки, ему выбило глаз. Танака Хироси, 24 года, работал слесарем, ему сломало ногу, при падении 6 дюймовой трубы с высоты 1,5 м [6, л. 155]. Еще у шести пострадавших травмы связаны с ушибами грудной клетки, головы. В актах фамилии и имена отсутствуют [7, л. 16, 23, 28].

Часть военнопленных работали в шахте на подземных работах подсобными рабочими на перекиде руды, крепильщиками, учениками бурильщика, лесодоставщиками. Известно, что от работы крепильщика зависит жизнь тех, кто спускается в шахту, а бурильщик обеспечивает план по добыче руды. Таким образом, есть основания полагать, что на предприятии, во-первых, была острая нужда в рабочих, во-вторых, приходилось доверять военнопленным.

Для работы в шахте нужны были молодые и здоровые рабочие. Именно таких военнопленных и направляли на предприятия горнодобывающей промышленности. На основании имеющихся документов определяем средний возраст японских военнопленных, работающих на Белоусовском руднике. Он составляет около 25 лет. Самому молодому военнопленному было 18 лет, он работал в шахте крепильщиком. В акте о несчастном случае зафиксирован его ушиб. Самый старшим из числа пострадавших был Хан Никидо. В акте о несчастном случае только у него указан не просто возраст, а год рождения — 1900 г. Он работал в горном цехе и нарушил технику безопасности — «при откатке вагонов палец правой руки попал в ... (текст не прочитывается, прим. автора) вагона» [7, л. 37]. Возможно, это было членовредительство для того, чтобы не спускаться в шахту. Принудительный труд, есть принудительный.

Есть основания полагать, что у работающих в шахте военнопленных не было специальной одежды и индивидуального освещения. Военнопленные могли работать в шахте в тапочках. Спецодежда и индивидуальное освещение выдавались только после какого-либо несчастного случая. Так один из военнопленных в шахте наступил на гвозди и повредил ногу. Сразу было принято решение: заменить тапочки ботинками и дать индивидуальное освещение [7, л. 38].

Помимо травм и трагических несчастных случаев военнопленные болели силикозом. Военнопленные японцы работали в шахте около двух лет, за это время заболеваемость их не проверялась [6, л. 97].

Для захоронения японских военнопленных было открыто кладбище. Ксерокопии двух планов захоронения были переданы поселковому Акимату представителями японской делегации Министерства Здравоохранения, Труда и Благополучия Японии, департамента социального благополучия и помощи жертвам войны Тэдзима Масару и Коидзуми Харуо. Они приезжали в Белоусовку в 2003 г. для эксгумации останков с японского кладбища.

Кладбище располагается в стороне от поселка на расстоянии 400 м от русского кладбища [11, л. 1]. Оно, в соответствии с Директивой, было разбито на 6 квадратов по 25 могил в каждом

квадрате. Каждому квадрату был присвоен номер, начиная с первого [1, с. 456]. Захоронение производилось в квадратах в порядке их нумерации: первые 25 трупов были захоронены в первом квадрате, во втором квадрате 13 могил. В каждой захоронено по два трупа. Таким образом, на кладбище был захоронен 51 погибший военнопленный. Остальные квадраты пусты. Легенда документа «№ 3 План места кладбища для военнопленных масштаб 1:200» прописана нечетко, запись на ксерокопии не прочитывается [11, л. 1].

Считаем, что позже по времени был составлен новый «План-схема расположения кладбища для военнопленных 3-го лагерного отделения дислоцированного в пос. Белоусовка, Управления лагеря № 45 МВД». Этот «План-схема» составлен уже специалистом, который зарисовал план по всем правилам картографии. Обращаем внимание на легенду карты «Кладбище организовано 23. .45 г., закрыто 2. На кладбище захоронено 18 военнопленных японской национальности». На ксерокопии видно, что цифра «18» исправлена, даты не просматриваются [11, л. 2]. В каких целях это сделано, мы пока установить не можем. Возможно с «Планом-схемой» в архиве работала А.С. Жанбосинова. В своей статье она пишет, что кладбище было открыто 23 июня 1945 г., закрыто 28 августа 1947 г. Жанбосинова А.С. также утверждает, что на кладбище были захоронены 18 военнопленных японцев [8, с. 58]. Пока остался без ответа вопрос о том, почему не обращено внимание на исправленную цифру ни представителями японской делегации, ни исследователем А.С. Жанбосиновой.

Автор статьи встречалась с участниками эксгумации, которые и сейчас проживают в п. Белоусовка. Они, общаясь с представителями японской стороны (через переводчика), сделали предположение, что это был заказ родственников бывших военнопленных, которые документально получили подтверждение, что в данном месте захоронены их близкие. Представители японской стороны дважды до вскрытия могил приезжали в г. Усть-Каменогорск. Они работали в архиве с документами и осматривали территорию кладбища. Непосредственные участники эксгумации рассказывают: «Японцы знали, в какой могиле и кто захоронен. Человек, не знающий о том, что здесь находятся захоронения, вряд ли бы догадался».

Действительно территория кладбища — пустырь. И вот почему. Жанбосинова А.С. приводит такой факт: «Комиссия в составе председателя Белоусовского поссовета Кировского района Терликпаева, начальника 1-го спецотдела УВД ВКО майора Герасименко и начальника Белоусовского посотделения милиции майора Жданова составила акт

от 21 октября 1957 года об обследовании японского кладбища на южной стороне поселка Белоусовки. В акте указано, что комиссии на месте путем осмотра установить место расположения кладбища не представилось возможным, так как нет заметных ни могил, ни ограждения, совершенно нет никаких признаков кладбища; восстановить могилы, а также произвести ограждение не представляется возможным, потому что неизвестно само расположение кладбища. В заключении комиссия пришла к выводу, считать японское кладбище отсутствующим и списать его вовсе» [8, с. 59].

Это решение было принято незадолго до 1959 г., когда в ответ на просьбу японского посольства было составлено предложение «поручить МВД СССР и КГБ при Совете Министров определить перечень кладбищ захороненных японцев, которые необходимо поддерживать в должном порядке с учетом возможного посещения этих кладбищ родственниками умерших» [1, с. 485]. Кладбище в Белоусовке в этот перечень не вошло. Поэтому кладбище было огорожено только мраморными камнями по периметру. Сейчас и этих камней не осталось.

К приезду японской делегации в 2003 г. местные власти поставили мраморный памятник, который обозначил место японского кладбища.

В 2003 году японцы приехали со своими инструментами: мешочки, лопатки, кисточки для очищения костей, даже перчатки были свои. Для проведения эксгумации были привлечены работники военизированной горноспасательной части, расположенной в п. Белоусовка. Они раскапывали могилы, японцы делали снимки, затем извлекали фаланг пальца с руки и ступни для экспертизы ДНК. Затем складывали все кости в белый мешок, пломбировали его и делали повторный снимок. Затем все останки сжигала группа добровольцев, прах пересыпали в урны и увозили. Как утверждают те, кто проводил эксгумацию, не все тела были в идеальном состоянии, у многих были видны пробои в голове, переломы рук и ребер. Характер травм похож на те, которые могли быть получены в шахте.

Могилы были не глубокие, около 60—70 см глубиной. Никаких признаков одежды, металлических или других изделий, предметов не было обнаружено. Только один военнопленный был похоронен в деревянном ящике, подобие гроба, в котором с останками была обнаружена руда. Есть основания полагать, что это был офицер Накаяма Касука и, возможно, это был последний похороненный на этом кладбище. Он погиб в шахте 15.08.1947 г. [6, л. 18], а кладбище было закрыто 28 августа 1947 г. [8, с. 58].

Рабочие подтвердили, что выкопали всего 18 могил. Однако, они утверждают, что их было намного больше. Вопрос о том, кто

захоронен в оставшихся могилах и почему они не были вскрыты, пока остается без ответа.

Автор статьи обращалась с письмом в японское посольство в г. Астана, Республика Казахстан, но официального ответа так и не последовало. Возможно, японские власти сейчас игнорируют эту проблему.

Список литературы:

1. Военнопленные в СССР 1939—1956. Документы и материалы под редакцией проф. Загорюлько М.М. Москва. «Логос»/ 2000// [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://filegiver.com/free-download/voennoplennyye-v-sssr-19391956-dokumenty-i-materialy.pdf> (дата обращения: 27.01.2015).
2. Государственный архив Восточно-Казахстанской области (ГАВКО). Ф. 1п. Оп. 1. Д. 3315.
3. ГАВКО. Ф. 19п. Оп. 1. Д. 357.
4. ГАВКО. Ф. 824. Оп. 67, Д. 7.
5. ГАВКО. Ф. 824. Д.85. Св. 9.
6. ГАВКО. Ф. 824. Оп. 86. Д.7. Св. 9.
7. ГАВКО. Ф. 824. Д. 195. Св. 310.
8. Жанбосинова А.С. Японские военнопленные в материалах ГАВКО/ из книги «Роль архивных учреждений в истории Казахстана. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня основания Государственного архива Восточно-Казахстанской области»// Усть-Каменогорск, 2010. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1374> (дата обращения: 17.01.2015).
9. Кузнецов С.И. Политика советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г.//2012. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: www.penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1098 (дата обращения: 27.01.2015).
10. Кузьмины А.Л. Особенности формирования и функционирования системы органов и учреждений военного плена и интернирования в Архангельской области (1944—1948 гг.)//2000. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL:http://www.history.nsc.ru/website/history-institute/var/custom/File/IE2012/22_Kuz'minykh.pdf (дата обращения: 27.01.2015).
11. Схема кладбища для военнопленных. Документ № 3, «План-схема расположения кладбища для военнопленных для 3-го лагерного отделения дислоцированного в пос. Белоусовка, управления лагеря № 45 МВД», копии этих документов из архива Акимата п. Белоусовка.

СЕТЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ФОНДОВ «ТРАНСФОРМ» НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Корецкий Артём Олегович

*аспирант кафедры Теории и истории международных отношений
Санкт-Петербургского Государственного Университета,
РФ, г. Санкт-Петербург
E-mail: iskander2rogiv@yandex.ru*

THE NETWORK OF POLITICAL FUNDS "TRANSFORM" IN CENTRAL AND EASTERN EUROPE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Artem Koretskii

*post-graduate student. Department of Theory and History
of International Relations. St.-Petersburg State University.
Russia, St. Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются организации участники сети политических фондов «Трансформ» на территории Центральной и Восточной Европы, раскрывается основное содержание и цели их деятельности в данном регионе.

ABSTRACT

The article reviews the participants of the network of political funds "Transform" in Central and Eastern Europe, reveals the main content and purpose of their activities in this region.

Ключевые слова: Трансформ; Политический фонд; Институт; Центральная и Восточная Европа.

Keywords: Transform; Political foundation; Institution; Central and Eastern Europe.

18 декабря 2007 года Европарламент принял регламент, согласно которому теперь европейские политические партии могли финансировать за счет бюджета ЕС связанные с собой «мозговые центры» — сети политических фондов [6].

Для Партии Европейских Левых, такой сетью политических фондов является «Трансформ». «Трансформ», как организация появился задолго до принятия этого решения Европарламента, а именно в 2001 году, однако свою по-настоящему активную экспансию смог начать только после 2007 года.

К настоящему времени сеть «Трансформ» представляет из себя 27 организаций в 19 Европейских странах, из них: 17 являются постоянными членами организации, 10 — наблюдателями. Плюс к этому в дружественных отношениях с «Трансформ» находятся ещё 4 политических фонда.

Если говорить о представленности «Трансформ» в Центральной и Восточной Европе, то здесь 4 постоянных члена организации, 3 из которых представляют Германию: Фонд «Розы Люксембург» — политический фонд, связанный с немецкой Лево́й партией; Институт социальных, экологических и экономических исследований в Мюнхене и журнал «Социализм», выпускаемый в Гамбурге. И один представитель Чехии — Общество для европейского диалога.

Здесь также 3 наблюдателя, входящие в «Трансформ»: Институт Социально-трудовых исследований в Словении; «Трансформ Молдова» и Ассоциация Развития Румынского Социального Форума.

И один дружественный «Трансформу» политический фонд — «Трансформ Венгрия».

Таким образом, около четверти политических фондов, так или иначе связанных с «Трансформом» представляют страны Центральной и Восточной Европы. При этом стоит отметить переко́с в сторону Германии, которую представляют сразу 3 политических фонда, и одновременное отсутствие фондов сети в большинстве стран региона — Эстонии, Латвии, Литве, Польше, Словакии, Хорватии, Белоруссии, Украине.

То есть куда расти «Трансформу» в данном регионе возможность имеется, тем более что здесь он представлен организациями, которые появились как до основания «Трансформа», так и после.

Старожилами среди организаций Центральной и Восточной Европы, входящих в «Трансформ» являются журнал «Социализм», выходящий с начала 1970-х годов, Фонд «Розы Люксембург» и Институт социальных, экологических и экономических исследований, основанные в 1990 году, и Общество для европейского диалога, основанное в 2001 году.

Все остальные появились позже в следующей последовательности: Ассоциация Развития Румынского Социального Форума в 2005, «Трансформ Венгрия» в 2009; «Трансформ Молдова» в 2010

и Институт Социально-трудовых исследований в Словении в 2012 году. Таким образом, в Центральной и Восточной Европе с начала XXI века «Трансформ» вырос с 4 до 7 организаций, и как уже говорилось, потенциал для роста данной организации в данном регионе имеется.

Если говорить в целом о «Трансформе», то при организации с 2007 по 2013 годы выходил журнал, с периодичностью два номера в год, за исключением 2007 года, когда был выпущен один номер. Как правило, каждый номер затрагивает одну или несколько тем и делится на несколько составляющих.

Помимо журнала «Трансформ» выпускает различные публикации, которые охватывают самую разнообразную тематику. С 2010 года «Трансформ» осуществил 30 таких публикаций.

Теперь непосредственно к организациям и к тому, чем они занимаются.

Самая старая организация Центральной и Восточной Европы, входящая в «Трансформ» — журнал «Социализм». Он был создан вначале 1970-х гг. в Западной Германии в противовес уже существующим социалистическим и коммунистическим изданиям [7].

Основные темы, по которым идет публикация в журнале: актуальные отчеты по политическим и экономическим событиям в Германии, ЕС и за его пределами; просвечивание социальных противоречий; сопротивление профсоюзов и социальных движений; отчеты и комментарии левого союза в форуме профсоюзов; международные события (война и международное право, БРИК-страны Бразилия, Россия, Индия, Китай, перспективы развития в Латинской Америке и других странах «третьего мира» и т. д.); международные дискуссии по анализу и критике капиталистического общества, в сотрудничестве с авторами и авторами журналов из других стран; теория и программы: стратегия социал-демократов и левых, по накоплению и кризису на финансовых рынках, глобализации и системе государственного управления; Обсуждение и обзор соответствующих новых релизов; пересмотр истории левых [7].

В нынешнее время журнал «Социализм» выходит с периодичностью 11 номеров в год [8].

Две следующие организации ведут отчет своего существования с 1990 года, когда он появились на волне немецкого «объединения».

Первая из них — это Мюнхенский институт Социальных, Экологических и Экономических исследований (ISW). Основной тематикой института являются: вопросы и проблемы глобализации, движение транснационального капитала, роль и влияние транснациональных корпораций и транснациональных институтов; распреде-

ление доходов и богатства, взаимозависимость частного/ общественного богатства и бедности; концентрация в оборонной промышленности, военной стратегии и воздействия вооружений и войны; вопросы энергетики и корпораций; исследования по разработке социальных систем, экономических и циклических тенденций в мировой экономике [9].

Все исследования, публикуются в нескольких проектах, которые осуществляются при Институте: ISW-доклад — ежеквартальный выпуск, 36 страниц формата А4; ISW-экономическая информация — 1—2 раза в год по самой актуальной экономической информации; ISW-графический доклад — появляется нерегулярно в зависимости от актуальности и приоритетов; ISW-специальное — нерегулярное издание, включающее специальный доклад на экономическую или экологическую тематику или проблему мира; ISW-научно-исследовательские папки — нерегулярное издание сообщений по теории глобализации; ISW-бюллетень — экономические отчеты, публикации и события из жизни института; ISW-форум — отчет о прошедших в институте форумах; ISW-экономические отчеты — публикуются экономические отчеты по данным федерального статистического ведомства; ISW-колонки — установка вещающих громкоговорителей [5].

Безусловно, самой крупной организацией «Трансформа» в Центральной и Восточной Европе является Фонд им. Розы Люксембург. Как уже говорилось, фонд появился в 1990 году, а с 1996 года он является политическим фондом сначала Партии Демократического Социализма, а потом и Лево́й партии. Во многом решение Европарламента о создании при Европейских политических партиях финансируемых фондов было обусловлено имеющимся германским опытом, где при каждой крупной политической партии есть свой политический фонд.

Фонд Розы Люксембург декларирует следующие цели своей деятельности: организация политического образования и распространение знаний о социальных отношениях в условиях глобализации, несправедливого и враждебного мира; предоставление места для критического анализа современного капитализма; действие в качестве центра для программных дискуссий о современном демократическом социализме, выступление в качестве социалистического мозгового центра для политических альтернатив; быть форумом в Германии и за рубежом, который поддерживает диалог между левыми социалистическими силами, социалистическими движениями и организациями, лево-настроенной интеллигенцией

и неправительственными организациями; выделение грантов для молодых ученых с помощью стипендий для студентов и аспирантов; подача импульсов самоопределяющейся социалистической политической деятельности и поддерживать приверженность делу мира и международного взаимопонимания для социально справедливого и солидарного союза [2].

В структуру фонда входят: Академия гражданского образования; Архив Демократического социализма/Библиотека; Институт социальных исследований; Исследовательский центр; Центр международного диалога и сотрудничества [3].

Все остальные организации, которые представляют в «Трансформе» Центральную и Восточную Европу не такие крупные, и достаточно молодые, поэтому есть возможность дать лишь их краткую характеристику:

1. Общество Европейского диалога (Чехия) — организация, основанная в Чехии в 2001 г., придерживается позиции ПЕЛ по отношению к ЕС — критика проводимой политики, но не отрицание его существования, является дискуссионной площадкой для чешских левых [4].

2. Ассоциация развития румынского социального форума — в отличие от Фонда Розы Люксембург не является связанной с какой-либо политической партией, открыта для диалога с другими оппозиционными партийными издательствами, осуществляет социальный и политический анализ и проекты по воспитанию и обучению [4].

3. Трансформ Венгрия — филиал «Трансформа» в Венгрии, выпускает свой журнал, стремится объединить левые организации Венгрии [1].

4. Трансформ Молдова — филиал «Трансформа» в Республике Молдова, занимается генерированием идей и налаживанием диалога между левыми организациями Молдовы [4].

5. Институт социально-трудовых исследований (Словения) — основанная в 2012 году членами Рабочего и Панкского университета организация, которая стоит на марксистских позициях, стремится возродить учение Маркса о политической экономии в Словении, создать свою политическую партию. Организует лекции, дебаты, конференции, издает книги и журнал «Борец» [4].

Таким образом, несмотря на достаточно небольшое представительство в Центральной и Восточной Европе, многообразие организаций «Трансформа» здесь достаточно велико: связанные и не связанные с политическими партиями; марксистские и не марксистские;

про европейские и нет; политические фонды, исследовательские центры и газеты, и т. д.

Однако, нынешнего представительства явно недостаточно, чтобы двигать левое движение вперед в странах Центральной и Восточной Европы, хотя уже есть положительные примеры такого влияния: Фонд Розы Люксембург и немецкая Левая партия, Институт социально-трудовых исследований в Словении и коалиция «Объединенные левые», которая в 2014 году после парламентских выборов впервые получила в высшем законодательном органе страны своих представителей.

Список литературы:

1. A Transform hálózat ismertetése. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://transform.hu/index.php/transform-halozat> (дата обращения: 17.02.2015).
2. Foundation. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rosalux.de/english/foundation.html> (дата обращения: 16.02.2015).
3. Organigramm. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rosalux.de/stiftung/organigramm.html> (дата обращения: 17.02.2015).
4. Organisations. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.transform-network.net/network/organisations.html> (дата обращения: 17.02.2015).
5. Projekte. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.isw-muenchen.de/proj.html> (дата обращения: 16.02.2015).
6. REGULATION (EC) № 1524/2007 OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL of 18 December 2007 amending Regulation (EC) No 2004/2003 on the regulations governing political parties at European level and the rules regarding their funding. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32007R1524> (дата обращения: 14.02.2015).
7. Sozialismus Projekt. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.sozialismus.de/metanavigation/das_projekt/ (дата обращения: 14.02.2015).
8. Sozialismus Service. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.sozialismus.de/metanavigation/service/> (дата обращения: 15.02.2015).
9. Über uns. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.isw-muenchen.de/about.html> (дата обращения: 15.02.2015).

4.3. ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

ПОРЯДОК РАЗБОРА И РЕСТАВРАЦИИ ЦЕРКВЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПОДОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Старенький Игорь Александрович

магистр истории, науч. сотруд.

Каменец-Подольского гос. ист. музея-заповедника,

Украина, г. Каменец-Подольский

E-mail: starenki_igor@mail.ru

ORDER OF ANALYSIS AND RESTORATION OF CHURCHES ON TERRITORY OF THE PODOLSK PROVINCE IN THE SECOND HALF OF XIX — BEGINNING OF XX C.

Starenkiy Igor

master's degree of history, research worker

Kam'ianets'-Podil's'kyi state historical museum-reserve,

Ukraine, Kam'ianets'-Podil's'kyi

АННОТАЦИЯ

В статье рассказывается о порядке разбора и реставрации церквей на территории Подольской губернии во второй половине XIX — начале XX в., законодательное узаконивание разработанных норм, роль в этом процессе Подольской духовной консистории и Подольского епархиального историко-статистического комитета.

ABSTRACT

The article describes the procedure parsing and reconstruction of churches in Podolia in the second half of the nineteenth — early twentieth century., legal legitimation developed norms, role in this process of Podolsk spiritual consistory and Podolsk Diocesan Historical and Statistical Committee.

Ключевые слова: памятникоохранная работа; Подольская губерния; разбор; реставрация; Подольский епархиальный историко-статистический комитет; Подольская духовная консистория.

Keywords: Podolia; analysis; restoration; Podolsky Diocesan Historical and Statistical Committee; Podolsky spiritual consistory.

На сегодня в Украине довольно часто встречаются случаи искажения и разрушения памятников церковной архитектуры. Исходя из этого чрезвычайно актуальным является изучение опыта предшественников. Не является исключением Подольская губерния, где были разработаны четкие нормы по разбору и реставрации церквей.

Исследуемой проблемы частично касались в своих трудах Е.И. Сицинский [9], А.М. Трембицкий [10], Л.Д. Федорова [11] и др. Однако целенаправленно этим вопросом исследователи не занимались.

Во второй половине XIX в. значительно повышается интерес к памятникам истории и культуры, что было обусловлено осознанием их значения в качестве свидетелей исторического прошлого, массовым уничтожением и разрушением. Это, в свою очередь, наводило на мысль о необходимости охраны ценных памятников, в том числе религиозных святынь.

Флагманом в деле охраны памятников церковной архитектуры стал Подольский епархиальный историко-статистический комитет (1865—1920 гг.), созданный согласно предложения Подольской духовной семинарии [3, л. 1—1зв.].

Однако в области охраны памятников церковной архитектуры Комитет действовал не единолично, а во взаимодействии с Подольской духовной консисторией и епископами. Так, по инициативе Комитета был установлен порядок разбора сооружений старых храмов. Обычно причт или прихожане из благотворительного обращались в консисторию, которая в свою очередь, ходатайство для вывода посылала в Комитет. После этого Комитет начинал сбор информации об объекте, который подлежал сносу, осуществлял фотофиксацию экстерьера и иконостаса, изготавливал планы и чертежи. По утверждению Е.И. Сицинского, все это осуществлялось при содействии консистории, благочинных и причтов [12, с. 394—395]. Только после сбора материала Комитет передавал в консисторию выводы о возможности разбора сооружения. Евфимий Иосифович с горечью констатировал, что решение о разборе давались «по необходимости, ведь нет ни возможности, ни финансовых средств поддерживать

старые деревянные сооружения, которые сами собой, учитывая особенность материала, постепенно и необратимо разрушаются» [9, с. 395].

Нам известно, что Комитет на своих заседаниях рассматривал вопрос разбора церквей: 1874 г. — в с. Игнативцы Ямпольского уезда [1, л. 1—2], 1876-го — с. Плоская Балтского уезда [2, л. 1—3], 1899 года и 1900-го — с. Латанцы и м. Калиновка Винницкого уезда, м. Яруга Могилевского уезда, г. Брацлав [5, с. 6], в 1901-м — с. Болган Ольгопольского уезда [4, с. 211], в 1903 году — м. Яруга, сс. Слободка Слишковская и Кацмазов Могилевского уезда, м. Ворошиловка и с. Латанец Брацлавского уезда, сс. Ярмолинцы, Бубновка, Нижний Ташлык Гайсинского уезда [6, с. 6], в 1904-м — с. Москаливка Винницкого уезда, с. Метановка Гайсинского уезда, с. Обжила Балтского уезда, с. Должок Ямпольского уезда, с. Соломна Проскуровского уезда, с. Вонячин Литинского уезда, м. Яруга Могилевского уезда [7, с. 3], в 1905 году — с. Демидовка Винницкого уезда, сс. Нижний Ташлык, Секиряны, Ярмолинцы Гайсинского уезда, с. Княжполь Каменецкого уезда, с. Ивча Литинского уезда, с. Печиски Проскуровского уезда [8, с. 2] и др. В общем по нашим подсчетам Комитет предоставил не менее 95 выводов о разборе старинных церковных сооружений на территории Подолья.

Разрешение требовалось не только для разбора, но и для реставрации или реконструкции церкви. Есть информация о том, что Комитет предоставлял консистории выводы по ремонту некоторых старинных сооружений. Так, в 1904 году предоставлено рекомендации по реставрации церковной архитектуры в сс. Старые Хутора и Лозна Винницкого уезда, сс. Новоселица и Дяковец Литинского уезда, с. Старое Поречье Проскуровского уезда, сс. Калачковцы и Яновка Ушицкого уезда [7, с. 3].

Такая отлаженная система по разбору и ремонту церквей стала лучшей на то время в Украине. Это привело к тому, что Киевское общество охраны памятников старины и искусства, членом которого был Е.И. Сицинский [13, л. 3об.—4], вынуждено было обратиться за помощью по поводу разъяснения порядка разбора и реставрации церквей, который существовал на территории Подольской губернии [12, л. 106об.—107]. Ответ Евфимия Сицинского был заслушан на заседании этого общества 8 июня 1913 года [12, л. 154об.]. 7 марта 1915 года Общество вновь приняло решение обратиться к Е.И. Сицинскому с подобной просьбой, получив вскоре от него ответ [14, л. 21—22зв.]. Председатель Подольского церковного историко-археологического комитета проинформировал о порядке разбора и реставрации церквей, изложив при этом ряд замечаний.

Ефим Иосифович с грустью констатировал, что такие меры «не всегда обеспечивают сохранение древностей» [14, л. 21]. Он отметил, что в разрешении на ремонт указывается, что можно делать, а чего нельзя, но исполнители работ не всегда придерживались этих принципов. Так было с Сутковской церковью-крепостью в 90-х годах XIX века, когда «древние формы крыш и куполов были упрощены» [14, л. 21об.]. То же в начале XX в. было сделано с деревянной церковью в с. Чемерисы Волоские Могилевского уезда [14, л. 21об.].

Суммируя вышесказанное мы можем сделать вывод, что на территории Подолья существовал четкий механизм контроля за процессом разбора и ремонта церквей, который предусматривал тесное сотрудничество епархиальной власти, научных институтов, духовенства и прихожан. Он оказался лучшим на то время в Украине, что побудило другие губернии перенимать опыт. Вместе с тем следует заметить, что отдельные представители духовенства иногда способствовали разрушению архитектурных памятников, принимая решение не о реконструкции, а разборе старых и строительстве новых церквей.

Список литературы:

1. Государственный архив Хмельницкой области (далее — ГАХО). Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 10365. 2 л.
2. ГАХО. Ф. 315. Оп. 1. Ед. хр. 10443. 3 л.
3. ГАХО. Ф. Р-3333. Оп. 1. Ед. хр. 24. 5 л.
4. Отчёт Подольского епархиального историко-статистического комитета за 1901 год // Подольские епархиальные ведомости (далее — ПЕВ). — 1902. — 22 июня (№ 24—25). — С. 210—224.
5. Отчёт Подольского епархиального историко-статистического комитета и состоящих при нём Древнехранилища и Епархиальной библиотеки за 1897—1900 гг. / ПЕВ. — 1901. — 14 апр. (№ 15). — С. 1—30.
6. Отчёт Подольского церковного историко-археологического общества за 1903 год // ПЕВ. — 1904. — 10 апр. (№ 15). — С. 1—24.
7. Отчёт Подольского церковного историко-археологического общества за 1904 год // ПЕВ. — 1905. — 11 июня (№ 23—24). — С. 1—26.
8. Отчёт Подольского церковного историко-археологического общества за 1905 год // Православная Подолия. — 1906. — июнь (№ 6). — С. 1—24.
9. Сецинский Е.И. Исчезающих тип деревянных церквей // Труды Подольского церковного историко-археологического общества. Каменец-Подольск Тип. С.П. Киржацкого, — 1904. — Вып. X. — С. 393—416.

10. Трембицкий А.М. Е.И. Сицинский как исследователь подольской церкви // Образование, наука и культура на Подолье: сб. науч. труд. Каменец-Подольский: Оиум, — 2006. — Т. 6. — С. 179—190.
11. Федорова Л.Д. Теоретические и правовые вопросы сохранения культурного наследия в деятельности памятникоохранных структур Украины (1910-е гг.) // Украинский исторический журнал. — 2011. — № 1. — С. 91—106.
12. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (далее — ЦГИАУК). Ф. 725. Оп. 1. Ед. хр. 3. 294 л.
13. ЦГИАУК. Ф. 725. Оп. 1. Ед. хр. 10. 66 л.
14. ЦГИАУК. Ф. 725. Оп. 1. Ед. хр. 66. 43 л.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XLVI международной научно-практической конференции

№ 2 (43)
Февраль 2015 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 26.02.15. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 6,25. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630099, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 16, офис 807
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3